

Женский день

Автор:

Мария Метлицкая

Женский день

Мария Метлицкая

Женские судьбы. Уютная проза Марии Метлицкой
За чужими окнами

Когда тебе плохо, знай – так будет не всегда. Но и когда ты уверен, что счастлив, помни – так тоже будет не всегда. Увы, мы часто забываем и о том и о другом. Но судьба не упускает момента вовремя найти утешение или, наоборот, щелкнуть по носу. И именно об этом новый роман Марии Метлицкой. В канун Женского дня три успешные женщины – актриса, врач и писательница – пришли в студию популярного ток-шоу. Все три не сомневались, что от них ждут рассказа об истории успеха, о том, «как они сами себя сделали». Каждая из них не раз давала такое интервью, и со временем правда и вымысел перепутались настолько, что героини и сами порой не могли отличить одно от другого. Но все пошло совсем по другому сценарию. Женский день стал очередным испытанием – на прочность, порядочность, на умение любить и прощать. И очередным напоминанием – ни очень плохо, ни очень хорошо не бывает всегда.

Мария Метлицкая

Женский день

© Метлицкая М., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Поиски сходства с реальными персонажами абсолютно абсурдны. Все герои придуманы автором. Прототипов нет! А остальное – фантазии читателя.

Автор

– Не выпались? – услужливо спросила гримерша и мазнула Женю кисточкой по подбородку.

Женя вздрогнула и открыла глаза.

– Да, как-то не очень, – грустно согласилась она.

– Со сном или – вообще? – усмехнулась любопытная гримерша.

Женя тоже усмехнулась.

– Зачем же «вообще»? «Вообще» все отлично!

«Не дождетесь, – подумала она, – фигу с маслом! Знаем мы таких. Сочувствующих. Мы вам душу, а вы нам – сплетню. Понесете потом по коридорам Останкино – у Ипполитовой все плохо. Бледная, грустная, короче – никакая. Не иначе в семье проблемы. Ага, счаз!»

Гримерша была немолода, видимо, опытна в делах сердечных и явно приучена к душевным беседам.

– Глазки? – полушепотом, интимно спросила она. – Глазки будем УКРУПНЯТЬ?

Жене стало смешно – укрупнять глазки! Незаметно вздохнула – раньше ничего укрупнять было не нужно. Глазки были ничего себе. Губки тоже вполне, вполне. Носик тоже не подводил. Волосики средние, но не из последних... да. А ведь права настырная – глазки теперь в укрупнении явно нуждались. И ротик можно было бы освежить. Да и все остальное... освежить, оттюнинговать, укрупнить. Все, кроме задницы и некоторых частей спины.

Гримерша старалась – высунув кончик языка, припудривала, подрисовывала, уменьшала и укрупняла.

Наконец она выпрямила спину, отступила на полшага назад, посмотрела на Женю и сказала:

– Ну, вот. И слава богу! Свежа, молода, хороша. Короче, к эфиру готова. Ну, а в перерывах поправим, промокнем и подсушим – ну, все как обычно!

Женя встала из гримерного кресла, улыбнулась, довольная результатом.

– Спасибо! Спасибо огромное. Вы и вправду большой профи.

Гримерша махнула рукой.

– Столько лет, о чем вы! Десять лет в Малом, семь в Таганке. И здесь уже, – она задумалась, вспоминая, – да, здесь уже скоро двенадцать. Мартышка бы научилась.

В дверь заглянула молодая кудрявая девица.

– Тамар Иванн! Ольшанская прибыла.

Тамара Ивановна всплеснула руками.

– Хосподи! Ну, счас начнется!

Женя присела на двухместный диванчик и взяла в руки старый и потрепанный журнал, предназначенный, видимо, для развлечения ожидающих гостей.

Гримерша начала – излишне поспешно – прибираться на гримерном столике.

Дверь распахнулась, и ворвался вихрь. Вихрь, сметающий все на своем пути. Позади Вихря бежали две девицы, одна из которых была та, кудрявая. Они что-то бессвязно лепетали и были очень взволнованны.

Вихрь скинул с себя ярко-красный кожаный плащ и тяжело плюхнулся в кресло.

Ольшанская была хороша. Женя видела ее только по телевизору и сейчас, позабыв о приличиях, жадно разглядывала ее.

Рыжие, коротко остриженные, под мальчика, волосы. Очень белая кожа, свойственная только рыжим людям, светлые конопушки на прелестном, красиво вздернутом носике. Очень крупный и очень яркий, совсем без помады, живой и подвижный рот. И глаза – огромные, темно-синие, такого редкого цвета, который почти не встречается в усталой природе.

«Классная!» – с восторгом подумала Женя, всегда с удовольствием подмечающая женскую красоту.

Ольшанская обвела взглядом гримерку и уставилась на пожилую гримершу.

– Ну, слава богу, ты, Том! – с облегчением выдохнула она. – Теперь я спокойна. А то... Эти, – она скривила рот и кивнула головой на девчонок, жавшихся у стены, – эти! Эти, блин, напортачат.

Девицы вздрогнули и еще глубже впечатались в стену.

Гримерша Тамара Ивановна раздвинула губы в сладчайшую улыбку, развела для объятий руки и пошла на Ольшанскую.

Но подошла к креслу и застыла – Ольшанская кидаться в объятия не собиралась.

– Может, кофе? – просипела кудрявая.

– Ага, как же! – скривилась Ольшанская. – Налъешь мне сейчас вонючей растворимой бурды из кулера и назовешь это кофе!

– Я сварю! – всполошилась Тамара Ивановна. – Сварю в турочке, с утра смолотый! С пенкой и с солью, да, Алечка?

Ольшанская с минуту, словно раздумывая, смотрела на гримершу, а потом вяло кивнула.

– А, валяй! – разрешила она. И жалобно добавила: – Башка с утра рвется. Прямо сил никаких!

Женя снова уткнулась в журнал – разглядывать звезду ей совсем расхотелось.

«Вот так, – подумала она, – звезда, красавица, успешнее некуда. И такая... Хотя какая? Ну, повыпендривалась малость, с кем не бывает! Звезда ведь, не фунт изюма». Но все равно. Стало как-то неуютно что ли... Не то чтобы она этой Ольшанской испугалась – да нет, глупости, конечно. Просто подумала: всех «забьет» эта цаца. Будет «звездить» и упиваться – собой, любимой. А мы... Мы останемся на задворках, понятно. Под лавкой. Актриса – всех переиграет, ясное дело.

Ну и ладно. Подумаешь!

Но тут же слегка пожалела... Что подписалась на все ЭТО. Зря. Не надо было.

Как чувствовала – не надо.

Она незаметно вышла за дверь – наблюдать за капризной звездой удовольствия мало.

Стала прохаживаться по коридору. В Останкино она бывала и раньше – на записях ток-шоу. Приглашали ее часто, а вот соглашалась она крайне редко. Жалко было и времени, и сил. Да и интереса особого не было – если только в самом начале.

По коридору навстречу ей стремительно, мелкими шагами шла невысокая и очень ладненькая женщина. Она разглядывала указатели на дверях – чуть близоруко прищурившись. За ней бежал тот, кого называли гостевой редактор.

Стрекалова – узнала ее Женя. Вероника Юрьевна Стрекалова. Врач-гинеколог. Очень известный врач. Директор института – не только директор, но и практически создатель. Профессор, член всяческих международных ассоциаций. Умница, в общем. Женщина, подарившая десяткам отчаявшихся женщин счастье материнства. Жене попадались интервью Стрекаловой, и она всегда подмечала, что эта хрупкая и скромная женщина ей очень нравится.

Молодой парень, тот самый встречающий редактор, с кем-то остановился и начал болтать. Стрекалова растерянно оглянулась, ища его глазами, подумала с минуту, вздохнула, остановилась у нужной двери и робко постучалась.

Из-за двери вынырнула кудрявая и, увидев профессоршу, обрадовалась ей, словно родной матери.

– Простите, – залепетала Стрекалова, – за опоздание. Такие пробки! Какой-то кошмар. Я ведь из самого центра, – продолжала оправдываться она.

Кудрявая втянула ее в комнату – практически за рукав.

Женя усмехнулась: ну, эта – овца почище меня! Ликуй, Ольшанская! На сегодня конкурентов у тебя точно нет. И передачу можно смело переименовывать – не «Три соплеменницы, которыми мы восхищаемся», а бенефис Александры Ольшанской.

Женя вздохнула и глянула на часы – в запасе было еще минут двадцать. Можно смело спуститься на первый этаж в кафешку и выпить кофе. За свои, за кровные. Не давясь бесплатной, растворимой бурдой и не выклянчивая «заваренный в турочке».

Впрочем, она не выклянчивала. А предлагать ей никто и не думал – невелика птица. Уж точно – не Ольшанская. Не тот калибр!

Писательница. Автор женских романов. Подумаешь! Сколько их развелось! Перебьется без кофе.

Кофе в кафе был отличный – настоящий капучино, правильно сваренный, с высокой пенкой и коричневым сердечком. Женя откинулась на спинку стула и обвела взглядом зал. Знакомые, сплошь медийные лица – ведущие новостей, ток-шоу, актеры, режиссеры.

Из-за столика наискосок ей помахала рукой женщина в красном платье. Женя узнала Марину Тобольчину, ведущую программы, на которую ей, Жене, следовало идти через пятнадцать минут.

Тобольчина была личностью тоже известной. Все смотрели ее программы уже лет пять или шесть. И никогда не было скучно. Тобольчина делала программы про женщин. Раз в два года она лишь слегка меняла формат – вероятно, чтобы не наскучить зрителю. И следовало признать, это ей прекрасно удавалось.

Кто-то считал программы Тобольчиной конъюнктурными, кто-то – похожими друг на друга. Кто-то упрекал ее в жесткости, кто-то в отсутствии искренности.

Но! Смотрели многие. Передачи были нескучные, динамичные. И вопросы Тобольчина задавала не заезженные, не примитивные. И еще – ей отлично удавалось выбить из собеседницы слезу, вытянуть что-то глубоко спрятанное, почти секретное. Профессионал, что говорить. Голос ее журчал мягко, ненавязчиво, словно ручей. Убаюкивал, успокаивал, расслаблял. И тут – оп! Острый вопросец. И собеседница терялась, вздрагивала, чуть не подсакивала в кресле. А деваться-то некуда! Тобольчина готовилась к программам тщательно. Выискивая скелеты в шкафу – ничего вроде особенного... А в глаз, а не в бровь!

Женя читала в Сети, что была пара случаев, когда оппоненты Тобольчиной требовали стереть запись и в эфир не пускать. Фигушки! Тобольчина за каждую запись билась как тигрица. Было даже одно судебное дело, но Тобольчина его выиграла.

И сутяжницу наказали рублем и общественным порицанием. И даже высмеивали в СМИ.

Вообще-то, получить приглашение от Тобольчиной считалось круто, очень круто. Конечно, она была признанной акулой пера – если так можно сказать о телевизионщице.

Тобольчина посмотрела на часы, бодро встала и направилась к Жене. Подошла к ее столику, обворожительно улыбнулась и наклонилась.

– Готовы, Евгения Владимировна? – мягко спросила она.

Женя выдавила улыбку и тоже кивнула.

– Да, Марина. Конечно, готова.

– На гриме были? – осведомилась та.

Женя кивнула.

– Разумеется.

– Тогда – за работу! – Тобольчина еще раз улыбнулась и кивнула: – Пойдемте?

Женя встала, вздохнула и нехотя поплелась следом.

На душе было тревожно.

«Трус! – укорила она себя. – Как была трусихой, так и осталась. Не дрейфь, Ипполитова! Ты ж... давно уже не Женя из шестой школы. Ты Евгения Ипполитова! Звезда российской прозы и любимица тысяч женщин. И даже мужчин. И тиражи у тебя, матушка!..»

Так что вперед, дорогая. Забыли про детские страхи, подростковые фобии и климактерические взбрыки. Вперед и с песнями! Про тяжелую, но почти счастливую женскую долю. Ты ж профессионал в этом, Женечка. Куда там Тобольчиной!»

В студии за белым овальным столом уже сидели Ольшанская и Стрекалова. Сидели молча – Стрекалова уткнулась глазами в блестящую от лака столешницу, а Ольшанская разглядывала свой безупречный французский маникюр.

Марина Тобольчина одарила сидящих голливудской улыбкой и опустилась на свое место. Женя села на свободный стул.

Тобольчина просматривала подводки, хмурилась, что-то почеркала карандашом, тяжело вздохнула и подняла глаза.

– Ну, милые дамы, начнем, помолясь?

Ольшанская хмыкнула и посмотрела на часы, Вероника побледнела и осторожно кивнула, а Женя, вздохнув, слабо улыбнулась и беспомощно развела руками.

«Скорее бы все это закончилось, господи! И с чего это я так волнуюсь?»

Тобольчина, словно услышав ее мысли, чеканным голосом промолвила:

– Не волнуемся, не психуем! Не дергаемся. Дышим свободно и полной грудью. Вы все люди с опытом, с камерой знакомы. Я – ваш друг, а не враг. А вы – дамы, достойные восхищения! Народ вас любит. Так что вперед!

И Тобольчина широко и дружелюбно заулыбалась.

– Мотор! – сказал по радио режиссер, у Тобольчиной хищно загорелись глаза, и она чуть поддалась вперед.

– Дорогие мои! – начала она. – Мы снова вместе. Я тоже очень ждала нашей встречи. Я тоже скучала по вас! И вот сегодня, накануне главного женского праздника, мы решили сделать вам прекрасный подарок. – Она выдержала минутную паузу и снова широко улыбнулась: – Итак, представляю вам моих сегодняшних гостей. Хотя в представлении они не нуждаются. Но – правила есть правила. Прошу любить и жаловать – Александра Ольшанская! Звезда отечественного кинематографа. Кстати, не только отечественного. Красавица, умница и очень успешная женщина. Каждый раз, видя Александру на экране, мы восхищаемся ей, стремимся походить на нее и просто ее обожаем.

Ольшанская, чуть приподняв бровь, с королевским достоинством кивнула.

– Моя следующая гостья, – Тобольчина снова обворожительно улыбнулась, – Вероника Стрекалова. Профессор, завкафедрой, автор множества трудов и монографий, наконец, директор института, который я бы назвала Институтом надежды. Член, между прочим, Общественной палаты, жена и мать. И к тому же тоже – красавица!

Вероника Стрекалова побледнела как мел, и на ее лбу выступили капельки пота. Она обвела глазами собеседниц и наконец кивнула.

– И – моя третья гостья! – Тобольчина загадочно улыбнулась и выдержала паузу. – Моя третья гостья, – повторила она, – Евгения Ипполитова! Наш любимый писатель. Женщина, которая знает про женскую душу все и даже больше, чем все. Над чьими книжками мы плачем, смеемся и восхищаемся ими. Она дарит нам счастливые минуты переживаний и надежды. Евгения Ипполитова!

Женя попробовала улыбнуться и кивнула головой.

Улыбка получилась натянутой, а кивок слишком явный, подумалось ей. Ну да ладно. Никто не заметит.

– Итак, – продолжила Тобольчина, – почему я пригласила именно этих прекрасных женщин? Думаю, ответ ясен – все они дарят нам радость, много приятных минут и надежду. Надежду на то, что все поправимо. В любви, в браке и, конечно, в здоровье. Они обещают нам, что все наладится. И еще. – Все они – одного поколения. У них разные судьбы и разный путь к успеху. Но все они жены и матери. Все они прекрасны и успешны. И вполне достойны того, чтобы быть героинями нашей праздничной и, надеюсь, душевной и честной программы.

– Я задаю честные вопросы и жду на них честных ответов! – это был рефрен программы, «фишка» Тобольчиной, которую она повторяла по нескольку раз.

– Александра! – обратилась она к Ольшанской. – Вы, как всегда, молоды и прекрасны. Точнее – с каждым годом все прекраснее и моложе. Скажите, пожалуйста, как вам это удается? Ну, поделитесь секретом. С нами, женщинами, которые вас обожают!

– А я никому не завидую! – резко, почти с вызовом, бросила актриса. – Ни более успешным, ни более молодым. У завистливых теток на лице отпечатывается жабья гримаса – приглядитесь. И убедитесь сами.

– Ой ли? – лукаво улыбнулась Тобольчина – Только ли отсутствие зависти? И совсем без вмешательства пластических хирургов? Ох, как надоели все эти наивные глупости, в которые давно никто не верит, – не завидовать, хорошо высыпаться, огурец и кефир на лицо и прочая ерунда...

Женя видела, как напряглась Ольшанская – на долю секунды по ее белоснежному лбу пробежала легкая морщинка и чуть потемнели глаза. На долю секунды. И тут же она расцвела как маков цвет – улыбнулась так, что мурашки по коже. «Мастерство не пропьешь», – с восхищением подумала Женя.

– Марина, милая, – протяжно пропела Ольшанская, – а к чему мне секреты? Все знают, сколько мне лет. Все знают, в который раз я замужем. А уж про тюнинг – так сейчас этим просто гордятся.

Тобольчина чуть откинулась на спинку стула.

– Все верно, дорогая Александра! Лично я ни минуты не сомневаюсь. Вы же родились в Сибири. А это – уже диагноз. Такая стойкость и такая сохранность! И к тому же – чему вам завидовать? Вам, Александра? Прекрасные дети, замечательный муж... Не говорю уже про вашу карьеру!

Ольшанская милостиво кивнула – дескать, все правда.

Но добавила:

– Родилась, да, в Сибири. Там служил мой отец. Но – родители родом из Петербурга. И там я, собственно, выросла.

Тобольчина перевела взгляд на Веронику.

– Дорогая Вероника, – мягко сказала она, – ну, а теперь к вам.

Профессорша вздрогнула и покорно кивнула.

– Вы удивительная, неординарная, да просто гениальная женщина. Ваши технологии – ноу-хау в науке. Вы успеваете все: и преподавать, и руководить институтом, и даже принимать тяжелые роды. К тому же вы любящая жена и мать прекрасного сына. Как можно сочетать все это? Некоторым не удастся добиться успеха даже в одном из перечисленных пунктов.

Вероника Стрекалова, почти не разжимая губ, тихо промолвила:

– Ну что вы! При чем тут неординарная? Это все – знание и хорошее образование. Я просто любила учиться, – совсем тихо прошептала она.

Тобольчина демонически расхохоталась и махнула рукой.

– Да бросьте, Вероника Юрьевна! «Любили учиться» многие. И где они, что из них вышло? Нет, я думаю, дело не в этом. А в чем же? – и Тобольчина сощурила свои прекрасные зеленые глаза.

– Но я правда не знаю, – растерянно пискнула собеседница, – как-то неловко говорить про себя... такое!

– Да какое «такое»? – удивилась ведущая. – Мы говорим правду! За это нас любят и смотрят. Нашим зрителям интересно знать именно правду про своих современниц. Красивых, успешных, достойных! Потому что, если смог кто-то, значит, смогу и я, вы меня понимаете?

Тобольчина почти перегнулась через стол и в упор уставилась на Стрекалову.

– Господи! Да я правда не знаю, – чуть не плакала Вероника, – поверьте, ничего загадочного! Училась, в двадцать шесть лет защитилась. Кандидатскую. В тридцать шесть – докторскую. Тему заметили, появились соратники и единомышленники. Мне просто очень везло на хороших людей, правда! Вышла пара статей в научных журналах. Заинтересовался министр, поддержал нас – спасибо ему большое. Ну, и дальше уж... Покатилось.

Она замолчала и чуть отпила воды из стакана.

– Вот именно, – подхватила Тобольчина, – вот теперь все понятно! Вы – учились. С интересом, с рвением. И при этом – вот где загвоздка! – успели и замуж выйти, и ребенка родить. И, что же – все сами, одни? Только вы и ваш муж? Простите, но как-то не верится.

Наконец Стрекалова чуть порозовела и повеселела.

– А, вы об этом? Да конечно же нет! Конечно же, не сами. И не одни. Знаете, – тут она улыбнулась и заговорила чуть громче, – у меня замечательная свекровь.

Просто чудо, а не свекровь! Да если бы не она... Не было бы профессора Стрекаловой, моей карьеры и моего сына, да и вообще всего того, чем можно гордиться.

– Замечательно! – радостно подхватила Тобольчина. – Теперь мы все поняли. Значит, есть еще одна женщина, наша невидимая героиня. Аплодисменты! Как зовут вашу свекровь, Вероника?

– Вера Матвеевна, – опять почему-то сникла Стрекалова.

– Вера Матвеевна, – бравурно начала Тобольчина, – дорогая! Низкий поклон вам от нас, сидящих в студии. И, думаю, не только от нас. Если бы не вы и не ваша помощь, не было бы у нас такого доктора и не было надежды и веры, что все поправимо и будет хорошо. Потому что мы верим вашей невестке. Верим и доверяем!

– Ну а теперь – к вам, – осклабилась Тобольчина, обращая взор на Женю. – К вам, наша дорогая волшебница! Наша фантазерка, наша сказочница. Уносящая нас в мир чудесных грез. В мир прекрасных и сильных мужчин, в мир нежных и слабых женщин. Вы – тоже загадка – для меня, например. Обычная женщина, работающая в (тут она мазнула взглядом бумагу) в обычной школе, и вдруг – почти в сорок лет! Эта обычная, казалось бы, женщина, мать, жена, служащая, начинает писать потрясающие по своей искренности и задушевности книги. Как же все это вышло, дорогая Евгения? Что предшествовало этому, откуда взялось? Как заиграли вдруг грани вашего таланта?

Женя смущенно развела руками.

– Честно, сама не знаю. Просто... просто однажды, вдруг... Захотелось писать. Я тогда заболела. Лежала долго, полтора месяца. И совершенно не знала, чем себя занять. И вот попробовала. И вдруг – получилось! По правде сказать, я и сама не ожидала.

– Ну... Это как-то... Не убеждает, что ли... – задумчиво протянула Тобольчина. – Вот я, например. Сколько болела, а взять лист бумаги и ручку – даже в голову не приходило. А если б пришлось – вот уж не думаю, что это бы кого-нибудь заинтересовало!

– У каждого своя судьба, – улыбнулась Женя. – Мне вот помог банальный радикулит. Выходит, бывает и так.

– А быт? – продолжала настаивать Тобольчина. – Писатель – профессия творческая. Требующая тишины, уединения. Сосредоточенности. А тут – кастрюли, поварешки, неглаженое белье. И как быть со всем этим? С тем, что заедает нашу женскую жизнь? Ведь вы же работаете дома, все верно?

Женя кивнула. Разумеется, дома. Отдельного кабинета в отдельной квартире, естественно, нет.

Она чуть задумалась, хотя сто раз отвечала на эти вопросы.

– Да приспособилась как-то. Детей отправляла на учебу, мужа провожала на работу. И улетала в свои фантазии – наверное, так.

– Ну, а обед, ужин? Уборка, все то же белье? – почему-то недовольно продолжала гнуть свое Тобольчина.

– Да между делом как-то, – ответила Женя, – сварить суп не проблема. Почистить картошку – тем более. А погладить можно и вечером, у телевизора.

– И вы хотите сказать, что, став известной писательницей, чьи книги выходят огромными тиражами, вы продолжаете стоять у плиты и жарить котлеты?

Женя рассмеялась.

– Ну а куда денешься? Став писательницей, я не перестала быть матерью и женой. А потом – я шустрая. Быстрая, в смысле. И быт мне не в тягость, поверьте.

– Уди-ви-тельно! – по складам пропела Тобольчина и развела руками. – И о чем это говорит? Правильно. Это говорит о том, какие у нас удивительные, потрясающие, необыкновенные женщины! А теперь, – тут она погрузилась, – я вас огорчу. Реклама, мои дорогие. И я успею соскучиться!

Это тоже одна из ее «фишек» – «успею соскучиться». Грустный взгляд, притворный вздох. Расстроилась, вроде как.

Заиграла музыка, и все чуть расслабились. Подлетели гримеры и начали промокать салфетками лица и припудривать кисточкой носы и подбородки. Тобольчина ни на кого не смотрела, хмурила брови и снова вчитывалась в подводку. Ольшанская вальяжно откинулась на спинку стула и попросила горячего чая. Стрекалова пыталась кому-то дозвониться. Женя встала и прошла по студии – заныла больная спина, и требовалась небольшая разминка.

– Садимся! – раздался голос режиссера. – Через две минуты мотор. Гримеры ушли с площадки! Марина!

Тобольчина недовольно подняла голову.

– Вяло как-то, – недовольно сказал режиссер, – давай поживее, что ли. А то мы уже спим.

– Приятных снов! – зло прошипела Тобольчина. – Сейчас проснешься. Будет тебе «поживее»...

Женя почему-то вздрогнула и посмотрела на Стрекалову. Та была белее полотна и очень сосредоточенна. Ольшанская по-прежнему рассматривала свой маникюр и была, на первый взгляд, совершенно спокойна. Но Женя увидела, как подрагивают пальцы ее прекрасных, тонких и очень ухоженных рук.

– Пишем! – раздался голос режиссера. – Внимание! Мотор!

Тобольчина сладко заулыбалась и обратилась к Ольшанской:

– Александра, ответьте, пожалуйста, на один вопрос. Быть может, не самый приятный для вашей семьи, но... Опровергните желтые СМИ, пишущие всякие небылицы по поводу вашего уважаемого супруга.

Ольшанская подняла на ведущую свои неповторимые, синие, словно горные озера, глаза, и Женя увидела, как взгляд ее застыл от боли, тут же сменившейся

негодованием и яростью.

– Какие именно? – жестко спросила она. – Бульварная пресса пишет много всяческих гнусностей – в том числе и про вас, не так ли?

– Да, так, разумеется! – с жаром подхватила Тобольчина.

Но глаза ее чуть сузились от злости.

– И все же... Не потому, что мы ей, этой прессе, доверяем – конечно же, нет. Но – факт остается фактом. И против него, как говорится, не попрешь. Ваш муж как-то рассказывал, что бизнес в начале пути принес ему много проблем. Например, разборки с криминальными структурами, взятки чиновникам, проблемы с органами власти. Было даже такое, что его похищали. Кошмар какой-то! А теперь – так странно, – он сам ищет пути в политику, туда, где, как он говорил, «честных людей не бывает и быть не может». Это цитата.

Тобольчина, словно застывшая кобра, немигающе смотрела на Ольшанскую.

Ольшанская вздохнула, обворожительно улыбнулась и спокойно принялась отвечать:

– А что, собственно, вас так удивляет? Как строился бизнес в те годы – давно всем известно. По-другому было нельзя. Невозможно! И думаю, каждый бизнесмен может вам рассказать такие страшилки, и даже похлеще! А теперь все стремятся к цивилизации. Хотят чтить законы. И что-то исправить – посильное – в нашем, не самом справедливом мире. Разве это неправильно? Нелогично разве? Мой муж человек не бедный, город родной не забыл и хочет – хотя бы там – навести порядок. Я ответила на ваш вопрос? – И она уперлась глазами в ведущую.

– Да, – вяло отозвалась Тобольчина, – теперь все понятно.

– Стоп! – послышался рык режиссера. – В чем дело, Марина? Чего ты скукожилась?

Тобольчина дернула бровью и чуть расправила спину.

– И еще, дорогая! А вы не боитесь так надолго отпустить своего мужа? Ведь он – как мне известно, – почти все время проводит в другом городе! Богатый мужчина, успешный мужчина, красивый мужчина. Может быть, у вас есть секрет? Как оставаться для мужа желанной? Как сделать так, чтобы он думал только о тебе и скучал по тебе? Соблазнов ведь море. И молодых красоток – тем более. А вы, как мне кажется, человек наверняка ревнивый. Ну, это же видно!

И тут раздался дикий крик Ольшанской:

– Это что такое? Вашу мать! Что за провокации? Вы же обещали, что ничего такого не будет! Программа предпраздничная, только комплименты и елей! И что получилось?

В студию вбежали какие-то люди – редакторы, режиссер. Тобольчина резко встала и направилась к выходу.

– Началось! – зашипела она.

– Какого хрена? – продолжала кричать Ольшанская. – Какого хрена, я тебя спрашиваю? – кричала она в лицо худому парню в очках и ярко-розовых кедах.

– А что вас так задело? – допытывался режиссер. – По-моему, вопросы вполне безобидные и заурядные.

– Я уйду! – заявила Ольшанская. – Мне это надоело! – и встала со стула.

Режиссер и прочие окружили ее и стали успокаивать. Какая-то девушка зашептала ей что-то на ухо. Ольшанская качала головой и продолжала возмущаться.

– Иду курить! – громко объявила она и быстрым шагом вышла из студии.

Началась нервная суета, перешептывания.

Стрекалова не поднимала глаз. Женя растерянно посмотрела на нее и пожала плечами – дескать, что она так завелась? Потом нерешительно сказала:

– Может быть... мы тоже пойдём?

Вероника вздрогнула и беспомощно посмотрела на Женю.

– Вы думаете? – тихо переспросила она.

Женя пожала плечами. Стрекалова тяжело вздохнула и сказала:

– Думаю... что вы правы. Надо смываться.

В эту минуту в студию влетела Тобольчина – с обновленными свежей помадой губами, с широченной улыбкой и сияющими глазами.

– Что, девочки? Пишем? – радостно осведомилась она.

«Девочки» испуганно вздрогнули и переглянулись.

– Актриса, – развела руками Тобольчина, – человек эмоциональный, вспыльчивый, горячий... Бывает! – вздохнула она.

– Ну, а мы с вами... Продолжим!

– Евгения Владимировна, ваша судьба и вовсе загадка. До сорока вы были совсем обычной женщиной, ходили на службу, варили обед. Растили детей. И – вдруг! Вдруг вы стали писать. И чрез два года стали такой популярной и знаменитой! И люди говорят, что ваши романы им так близки и понятны, что, кажется, будто они написаны именно про нас. В чем же секрет, дорогая Евгения? И как вы решили писать? Озарение? Милость богов, так сказать? Или какие-то серьезные события, какой-то рубеж, Рубикон, после чего случилось вот это чудо? Откройте нам тайну! Тайну любимой писательницы...

– Никаких тайн, уверяю вас! Может быть, я вас сильно разочарую, но, поверьте мне, никаких тайн! Все очень просто – на работе начались неприятности, и я ушла. Было начало лета, и искать новую работу сразу не захотелось. Решила – отгуляю лето и уж по осени начну поиски. И вот дача. В воскресенье все разъезжаются – дети, муж. Я одна. Чем заняться? Садам? Правильно! А тут прихватил радикулит – ну, и какой из меня огородник?

Тут и случилось – я открыла ноутбук и что-то попробовала. Долго не решалась отправить рукопись. В августе все же решилась. Отправила по электронке в пару издательств. И не сразу поверила, когда через пять месяцев получила ответ. Никто не поверил – ни дети, ни муж. А больше всех – я сама. Не поверила даже тогда, когда заключила договор. Не поверила, когда получила свои первые деньги. Совсем небольшие, но это понятно. Поверила, только когда впервые взяла книгу в руки. Вот тогда дыхание перехватило. На обложке моя фамилия и сзади моя фотография. Это было такое потрясение и такое чудо, что я положила книжку на подушку и все ночь гладила и листала ее. Вот, собственно, и все, – улыбнулась Женя.

– Вы сказали – все разъезжались в воскресенье? – вдруг уточнила Тобольчина. – В смысле – на работу?

Женя удивилась.

– Ну да, на работу. В понедельник же всем на работу. Детям – на учебу, взрослым на работу. Что вас так удивило?

– Угу, – задумчиво произнесла Тобольчина, – вот только... – она помолчала, – вот только, насколько я в курсе, ваш муж на работу тогда не ходил. В смысле – что он в тот момент находился в местах... не столь отдаленных. Не так ли?

Женя почувствовала, как кровь прилила к лицу. Дышать стало трудно, почти невозможно. Стало невыносимо тихо. Руки похолодели, а ноги стали ватными и тяжелыми.

– Да, – хрипло сказала она, – был такой... эпизод. Но – все позади! Ошибка следствия. Мужа оправдали и через год выпустили. Освободили. И принесли извинения.

– От сумы и от тюрьмы, как говорится... – приторно-сочувственно вздохнула Тобольчина и снова заулыбалась, – народная пословица. Да и бог со всем этим! Главное – что все хорошо закончилось, верно?

Почему-то Женя кивнула. Послушно кивнула, словно замороженная. Вместо того, чтобы плюнуть в морду этой стерве и громко хлопнуть дверью. Она сидела на стуле, словно приклеенная. Не было сил встать. Не было сил ответить. Просто

не было ни на что сил...

- Евгения, дорогая, - снова запела Тобольчина, - а ваша дочка... Точнее - старшая дочка. Вы как-то обмолвились, что девочка проблемная. Особенно по сравнению с младшей. Вы говорили, что ваша младшая дочь - ну просто ангел. А вот другая... В смысле - старшая. Они совершенно разные, ваши девочки. Я долго рассматривала их фото - и вправду совсем разные! Младшая похожа на вас. А вот старшая - Мария, кажется, - на вас непохожа. И на вашего мужа тоже. И с сестрой они абсолютно разные! Кстати, а как они между собой? В смысле - девочки, сестры? Тоже воют? Или сейчас все устаканилось? Наладилось со временем?

- Господи, какая чушь! - пролепетала Женя. - Какая несусветная и кошмарная чушь! Откуда у вас такие бредовые сведения?

- Из вашего интервью, - с удовольствием уточнила Тобольчина.

- Бред, - повторила Женя, - у моих дочерей все в порядке. Они - близкие люди, подруги. И моя старшая дочь, Маруся, она давно уже... повзрослела. Удивляюсь, где вы такое... нарыли? Может быть, я не самая лучшая мать и у меня куча промахов в воспитании моих дочерей, но... Главное в своей жизни я сделала правильно!

- Ошибка? - словно обрадовалась Тобольчина. - Ну слава богу! - с облегчением выдохнула она. Кашлянула, глотнула воды и попыталась растянуть губы в улыбку.

- Ну вы уж не занижайте так свою самооценку! - попросила Тобольчина. - Быть женой, матерью и вдобавок писателем - уже о-го-го! Не скромничайте, дорогая Евгения!

- Я... - кашлянула в волнении Женя, - я и не скромничаю. Я говорю правду.

- Ну и славно, - выдохнула Тобольчина. - Дети есть дети. У каждого свой характер. И переходный возраст. Пубертат - как принято говорить ныне. У всех по-своему сложный. Но проходит и он.

Женя увидела, как тревожно смотрит на нее Вероника – и удивленно, с интересом, неожиданно вернувшаяся Ольшанская.

Тобольчина покрутила головой, разминая шею, и несколько раз сжала и разжала пальцы рук. Потом на минуту прикрыла глаза и замерла, словно зверь перед прыжком.

Женя сидела такая опустошенная, словно из нее вытряхнули все внутренности. Ей казалось, что если бы сейчас сказали – все, стоп, снято, – у нее бы совсем не было сил подняться и выйти из студии. К тому же начала болеть голова. Сквало затылок, и загудели виски. Верный признак того, что скоро, вот-вот начнется мигрень. А эта история долгая. Дня на четыре – в лучшем случае. Полный покой, зашторенные окна, два одеяла – озноб. И никаких праздников! Отменяются праздники. Точнее, их отменили. Марина Тобольчина отменила. Одним махом и тремя предложениями. Талантливо, что говорить. Не каждый способен. Что б ей... всю жизнь она боялась ЭТОГО вопроса. всю жизнь! всю жизнь, каждую минуту она понимала, что ВСЕ ЭТО может однажды... выскочить. Как убийца из-за угла. И все, что она так долго, тщательно и, скорее всего, неумело строила, рухнет в секунду. Как домик Наф-Нафа. вспомнила – было такое! В самом начале, когда она была совсем неопытной дурочкой. лепила, что попало. Тогда в сердцах обмолвилась про Маруську – та и вправду тогда хорошо доставала!

Тобольчина глянула в подводку, пробежала глазами, одернула пиджак и крикнула:

– Я готова. Поехали!

– Вероника Юрьевна, – мягко улыбнулась Тобольчина, – ну, а теперь о вас. Какая интересная и, простите, непростая судьба! Девочка из глухого уральского городка. Точнее, поселка. С ранних лет в интернате. В пятом классе победительница трех областных олимпиад. Серебряная медаль. Поступление в медицинский институт. И дальше – сплошная сказка, просто история для сериала – общежитие, полуголодное существование, обноски. Шесть коек в ряд и отсутствие элементарных удобств. И вдруг... Брак с москвичом, прекрасная, профессорская семья, огромная квартира в сталинском доме. Сказка? Так не бывает? Золушка, честная, умная, трудолюбивая, получает все. Но! Останавливаться она не собирается – хотя, можно было бы, наконец, расслабиться. Она защищает диссертацию, делает карьеру, непостижимо,

невероятную, блистательную. И к тому же рождает прекрасного сына. Воистину чудесная сказка! Никто не поверит. А ведь это все – чистая правда.

Да, Вероника? Что это – награда за тяжелое детство? Плата за трудолюбие? Просто удача? Или высшая справедливость? В которую мы совсем перестали верить?

Вероника Стрекалова пожала плечами и тихо сказала:

– Не знаю. Просто... так получилось. Я... ничего для этого не делала. То есть... Делала, конечно. В смысле – старалась. В смысле – трудилась, – совсем растерялась и запуталась она. – А про мужа... Просто... мы встретились и полюбили. Наверное, так.

– Да не наверное, а наверняка! – продолжала напирать Тобольчина. – И слава богу, что все сложилось именно так и звезды совпали. Как говорится, судьба! Но – ваша скромность, Вероника, все же излишня. Своими заслугами и достижениями нужно гордиться. А вы их стесняетесь!

Стрекалова чуть порозовела и даже слегка улыбнулась. Словно расслабилась после сдачи самого трудного в жизни экзамена. Казалось, что экзекуция подошла к концу, но тут Тобольчина чуть подалась вперед и, уставившись на Веронику своим немигающим взглядом, вдруг спросила:

– А почему вы попали в детдом, Вероника Юрьевна? Как так случилось?

Стрекалова сжалась, съежилась, опять побледнела как простыня, губы у нее задрожали.

– Так получилось, – еле слышно пробормотала она.

– Получилось? – неподдельно удивилась Тобольчина. – А как получилось? Вас сдали туда ваши родители, Вероника Юрьевна?

В студии повисла тишина – такая, что было слышно, как муха трепещет крыльями.

Стрекалова не поднимала глаз. Женя почувствовала, как по спине льется холодный и липкий пот. Ей захотелось встать, сорвать микрофон и броситься бегом из студии. Но... она почему-то не могла встать, словно приклеилась к стулу. Стало так душно, что пот уже выступил на лбу и подбородке. Она вытерла его ладонью и почувствовала, как горит лицо.

- Мама, - вдруг сказала Стрекалова, - мама... очень болела.

- А отец, бабушка, другая родня? - тут же подхватила Тобольчина. - Неужели не нашлось никого, чтобы забрать к себе талантливого и красивого ребенка? Наконец, соседи? А что, кстати, случилось с вашим отцом? Он погиб, кажется? Совсем в молодом возрасте? Что с ним случилось?

- Он, - еле слышно, одними губами проговорила Вероника, словно в забытьи, - он замерз. На охоте. Просто заблудился и просто замерз. Такое бывает.

- Господибожемой! - покачала головой Тобольчина. - Какой это ужас! А мама? Тогда она и заболела? Ну, после этого ужасного события? И, кстати, вы уж меня извините - ЧЕМ она заболела? Чем таким она заболела, что отдала свою дочь в детский приют?

Стрекалова молчала. Молчала, уставившись на свои руки. Совсем, кстати, детские - без маникюра, с коротко остриженными ногтями. «Медицинские» руки.

- Я понимаю! - воскликнула Тобольчина. - Простите меня, Вероника Юрьевна! Есть вещи, о которых невозможно говорить даже по прошествии времени. Есть боль, которая не утихает никогда, - продолжала разливаясь соловьем Тобольчина.

- А ваша мама? Она жива? - вдруг спросила она и снова уставилась на Веронику немигающим взглядом.

- Она... умерла, - почти беззвучно ответила та.

- Послушайте, - не выдержала Женя, - не кажется ли вам, что достаточно? Что надо остановиться?

- Стоп! - резкий крик заставил присутствующих вздрогнуть.

Тобольчина дернулась и посмотрела на Женю. Вдруг она обворожительно, как ни в чем не бывало, широко улыбнулась и сказала:

- Евгения Владимировна! Что ж вы так? Близко к сердцу?

- Травматично, - бросила Женя, - вам не кажется, что чересчур травматично? Зачем задавать ТАКИЕ вопросы? Или для вас это, простите, норма? К тому же праздничная программа! Не так ли? Вы обещали сплошной позитив!

- Норма для нас - это правда! - жестко ответила Тобольчина и резко встала. - Все! Перекур. На полчаса. И - не меньше!

И чеканным шагом вышла из студии.

Женя встала и подошла к застывшей Стрекаловой.

- Вероника, - сказала она и погладила ту по плечу, - ну, вы же знаете! Телевидение! Все они... без тормозов и морали. А мы с вами сами виноваты - нечего было подписываться! - она улыбнулась. - Или надо было смотаться тогда, перед этим... А не успели!

Вероника кивнула, не поднимая глаз.

- А пойдете пить кофе? - предложила Женя, - в кафешке на первом этаже отличный капучино! И съедим что-нибудь. Калорийное и запретное. Какой-нибудь ужасный, жирный торт со сливками - как вариант? Прямые углеводы для восстановления сил!

Вероника кивнула и медленно встала со стула.

- А может быть, все же домой? Очень хочется отсюда удрать!

- Домой, разумеется! После торта - сразу домой. Ну не возвращаться же нам в этот вертеп?

Вероника кивнула, обрадовалась и даже слабо улыбнулась.

Когда они выходили из студии, им вслед раздался визгливый, полный ужаса, крик:

– Вы куда, героини?

Кричала кудрявая.

Женя обернулась и показала язык.

Вероника покраснела и, словно школьница, прыснула.

Они быстрым шагом спустились по лестнице и вошли в кафе. За столиком, развалясь, уже сидела Ольшанская, громко разговаривала по телефону, курила длинную сигарету и, увидев вошедших, приветливо помахала рукой, приглашая их к своему столику.

За столиком напротив сидела Марина Тобольчина и внимательно отслеживала своих новых знакомых.

– Какова гадина? – громко, чтобы та слышала, спросила Ольшанская и кивнула на Тобольчину. – А? Какова? Знала же я, что она сука. Но ведь напела! Напела, гадина! Что праздник, что «все будет светло и нежно»! Ну, не стервоза? – продолжала кипеть актриса. – Нет, я этого так не оставлю. И что повелась, старая дура?

Стрекалова тяжело вздохнула и осторожно, боясь обжечься, совсем по-детски отпила кофе.

– Стерва, конечно, – кивнула Женя, – и, вообще... Все их вранье, подставы. Рейтинг дороже людей. Но виноваты мы сами. Умные, опытные – и повелись. Славы захотели! Мало у нас этой славы... ну, и черт с ней. Лично мы – уходим.

– Сбегаете? – уточнила Ольшанская, чуть прищурив глаза. – Ну, молодцы. Тогда и я с вами. Хотя... – Она задумалась и закурила новую сигарету. – А если... Наступить этой крысе на хвост? Ну, прижучить ее? У меня получится, я умею.

– Пустое, – усомнилась Стрекалова, – там такой опыт! Любого в угол загонят. И потом – опускаться до ее уровня... По-моему, глупо.

– Согласна, – кивнула Женя, – просто уйдем, вот и все. И пошли они к черту с их рейтингами и прайм-таймами.

Ольшанская пожала плечами.

– Ну... раз мнение большинства, то я согласна. Хотя...

Тут они увидели, что Тобольчина направляется к их столику. Женя отвернулась, Вероника старательно крошила пирожное, а Александра, не мигая, смотрела на Тобольчину.

– Можно присесть? – жалобно спросила та. Никто не ответил.

– Будете казнить? – мягко и виновато спросила она.

– Живи! – бросила Ольшанская. – Чести больно много. Только передача твоя, – тут она усмехнулась, – не выйдет. Или других лохов поищи. А мы – досвидос, дорогая! Вот кофе допьем – и по домам, баиньки.

Тобольчина сморщила жалобную гримасу – вот-вот слезы брызнут из глаз.

– Девочки! – взмолилась она. – Ну я вас просто умоляю. Это редакторы, не я! Честное слово! Да разве ж я? Сама же женщина. Но! Я вас уверяю – все вырежем. Все, что вам не понравилось. Честное слово! Все вырежем и подчистим. Я вам обещаю!

– И будет все «светло и нежно»? – уточнила Женя. – То есть еще нежнее и светлее?

Тобольчина тут же кивнула.

– Ну, у всех же бывают косяки. Не права, признаю. А дальше – все про хозяйство, карьеру. Только про то, какие вы у нас молодцы!

- У себя, - тихо, но твердо поправила Вероника. - Мы у себя молодцы.

Тобольчина кивнула.

- Ну разумеется! Это так, фигура речи.

- Пойдемте, умоляю вас. А то мне такое устроят! При нынешнем кризисе... Просто удавка!

Она так запечалилась, что, казалось, того и гляди заплачет.

- Ага, пожалел волк кобылу! Так мы и поверили - в искреннее раскаяние...

- Ну, девочки! Честное слово! - продолжала канючить Тобольчина. - У нас же такие рейтинги! А еще - в выходной, перед праздниками!

- Лично мне, - твердо сказала Женя, - вот это совсем не надо. Мои тиражи позволяют мне избегать подобных историй. Веронике, я думаю, тоже. Уж ей-то тем более. Серьезный ученый! А вам, Александра? Мне кажется, тоже не нужно. Вас и без этого знают и любят!

- Ну, - нараспев возразила Тобольчина, - поверьте, никому это не повредит. Веронике Юрьевне - точно! Скоро выборы в городскую думу, а она, насколько я знаю, собирается баллотироваться. Разве не так, Вероника?

- Так, - кивнула та, - но для меня не все способы хороши. Вы мне поверьте.

Тобольчина ей не ответила и посмотрела на Ольшанскую.

- А про актрис и говорить не стоит. Верно, Сашенька? Вам-то пиар - просто как воздух. Чем больше, тем лучше. Я говорю правильно?

Ольшанская равнодушно пожала плечами.

- Народной любви мне хватает. Во! - и она провела ладонью по горлу. - А уж денег тем более!

Но спорить как-то раздумала.

– А вы, дорогая Евгения? Ведь хлеб писателя это тиражи? Я правильно понимаю?

– Верно, – усмехнулась Женя, – только... Хлеб бывает разный по вкусу. И по запаху тоже. Не слышали?

– Да у всех он несладкий! – закивала Тобольчина. – Думаете, у меня он душистей?

– Счас пожалеем! – кивнула Ольшанская. – Вот счас пожалеем и прямо заплачем!

– Ладно, – вдруг сказала Стрекалова, – раз обещали... Будет наука. Трем... дурам. Простите. Надо идти! Только с вами, Марина, надо держать ухо востро. Что мы и сделаем.

Все с удивлением уставились на Веронику.

Тобольчина обрадовалась и закивала.

– Спасибо, Вероничка Юрьевна! Вы прямо умница! Вот что значит – ученый. Холодный ум, холодное сердце, – тут она с осуждением глянула на Женю с Ольшанской, – не то что у нас, у людей творческих. Одни эмоции и никакой логики. Все вырежем, девочки. Честное слово!

– Вероника, – жестко сказала Стрекалова, – я – Вероника. А не Вероничка! Вы меня поняли?

Тобольчина нервно сглотнула и кивнула.

Ольшанская и Женя удивленно переглянулись.

Тут на пороге возникла кудрявая и, увидев компашку, бросилась к ним.

– Марина Викторовна, ну вы даете! Полежаев в истерике, а Лукьянов – тот вообще в обмороке. Через сорок минут надо освобождать студию, а вы тут.

Кофеек попиваете!

- На место! - гаркнула Тобольчина. - Идем, не кипеши!

Она резко направилась к выходу, и за ней неохотно выбрались из удобных кресел так называемые героини. Потерянные, поникшие, расстроенные и потухшие.

Гримерши подпудривали «героиням» носы и поправляли прически.

Тобольчина подтянулась, выпрямила спину и, очаровательно улыбнувшись, громко сказала в пустоту:

- Мы готовы!

А дальше пошло все так благостно, «светло и нежно», как, собственно, и обещала Тобольчина. Выражение ее лица было таким, словно ей только что, вот прямо минут десять назад, подарили норковую шубу или новую иномарку. Улыбка, светящиеся от счастья глаза, чуть томная, ласковая речь. Не стерва, которую все наблюдали полчаса назад, а милая, сочувствующая и все понимающая подруга.

- Александра, дорогая! Давайте начнем про самую неприятную часть женской доли - домашнее хозяйство. Итак. Сколько времени вы уделяете кухне? Ваши коронные блюда? Придерживаетесь ли вы диеты? Привередливы ли ваши домочадцы? И не угнетает ли вас монотонный и неблагодарный домашний труд?

Ольшанская невесело вздохнула, но через долю секунды на ее лице появилась печальная гримаска.

- Ох, как же вы правы, Марина! Конечно же, как бы все это ни было банально, мне это хорошо знакомо. Увы! Я точно такая же, как большинство женщин на этой земле. Готовлю обеды, убираю в квартире и глажу сорочки. Люблю ли я обязательную часть домашней программы? Врать не буду - не очень. Но... Куда же деваться? Я мать, я жена. Я хозяйка. Разумеется, есть помощница по хозяйству. Но... Никто, даже самая опытная и умелая повариха не вложит в жаркое столько души, сколько вложит мать и жена. Верно? Разумеется,

я очень загружена – съемки, спектакли, гастроли. И все же... Изыски только по праздникам и семейным датам. Вот тут уж я стараюсь. Делаю торт «Рыжик». Запекаю буженину и варю холодец. А в будни – в будни все просто. Легкий суп, котлеты, курица. Разумеется, слежу за фигурой. Я же актриса! Не ем после спектакля, не ем поздно вечером. У меня прекрасная генетика. Но... Пирожное я позволяю себе не чаще, чем раз в три месяца.

Тобольчина удивленно вскинула брови и одобрительно покачала головой.

– С уборкой все проще – и сын, и дочь приучены с детства: пылесос, мытье полов и пыль – это все на них.

– Дочь, – задумчиво повторила Тобольчина и тут же оживилась: – А ваша дочь живет с вами?

Ольшанская побледнела, но твердо сказала:

– И со мной в том числе. У нее два дома – наш и дом ее отца. Где хочет, там и живет. У нас демократия. А два дома, согласитесь, всегда лучше, чем один. Не так ли?

Тобольчина закивала.

– Конечно! Как это здорово – две семьи, где тебя любят и понимают.

– А ваш супруг, – уточнила Тобольчина, – он вам помогает? Хоть в чем-то?

– Мой супруг, – медленно проговорила Ольшанская, глядя в глаза ведущей, – мой супруг, дорогая, очень и очень занятой человек. К большому моему сожалению! Он очень рано уходит из дома и очень поздно приходит. Бизнес – а бизнес у него очень серьезный – требует постоянного и пристального внимания. Так что, – тут она улыбнулась, чуть откинулась на спинку кресла и развела руками, – помощник из него никакой. Но ничего! Мы справляемся. Главное – что он поддержка во всех остальных, жизненно важных вопросах. И материальных – в том числе. И даже в первую очередь! Не говоря уже о вопросах другого толка.

– За-ме-ча-тельно! – по складам отчеканила вполне удовлетворенная Тобольчина. – Действительно, моральная поддержка – это то, без чего нам, женщинам, было бы вообще невыносимо.

И она перевела взгляд на Стрекалову.

– Вероника, дорогая! А с вами, наверное, еще сложнее. Заседания, преподавание, поездки по миру, симпозиумы, научная работа. Ваши близкие, вероятно, и вовсе не часто вас видят. Как все это происходит у вас? Как вы, при такой колоссальной нагрузке, физической и моральной, при вашей ответственности, можете совмещать все эти вещи?

– А я, собственно, – тут Вероника растерялась и беспомощно посмотрела на Тобольчину, – а я, собственно, – повторила она, – почти этого... И не касаюсь! – быстро выпалила она и покраснела.

– Совсем? – уточнила Тобольчина.

– Почти... совсем, – виновато кивнула Стрекалова. – Хозяйство ведет моя свекровь, Вера Матвеевна. Готовит, контролирует учебу сына, платит за квартиру, ходит в магазин. Мне совершенно некогда! – почти выкрикнула она и тут же снова смутилась.

– Да я все понимаю, – махнула рукой Тобольчина, как бы оправдывая смущенную гостью. – Ну, разумеется, вам уж никак до кастрюль. И все же, – она мягко улыбнулась, – на праздники, например? Или на дни рождения? Наверное, все же, – надавила она, – в эти особые дни вы что-то готовите своим близким? Ну, так, чтоб им было приятно?

На лице Вероники была такая неподдельная мука, что Жене стало смешно.

– По праздникам? – повторила она. – Ну, да... бывает. Например, – тут она оживилась, припомнив, – например, я пеку кекс. Иногда, – тут же поправилась она.

– Знаете, есть такие кексы, сухие? Ну, в смысле, из пакетиков, смесь?

Тобольчина скривила губу.

- Из пакетиков? - недоверчиво переспросила она. - Нет, не знаю.

- А я знаю! - вклинилась Женя. - Чудесная штука. Гость на пороге - вот как это называется. Разводишь все это в воде, перемешиваешь и сразу в духовку. Выручает, что и говорить!

Ольшанская хихикнула и покачала головой.

- Туда еще можно яблоко, изюм и тертый шоколад, - тихо прошелестела Стрекалова.

Тобольчина тяжело вздохнула.

- Ну да, разумеется. А когда вам готовить, моя дорогая? Вы же решаете проблемы совсем другого масштаба. Наука и практика одновременно - серьезные, совсем неженские штучки. Так что про уборку я и не спрашиваю, - захихикала она, - потому что смешно! И потом... Ваше нелегкое детство! Да и кто бы учил вас готовить?

Вероника обреченно кивнула.

- А вот интересно, - снова оживилась Тобольчина, - про вашу свекровь. Тоже тема. Как вы сосуществуете? Она, как мы уже поняли, полноценная хозяйка у вас дома. Это, конечно, огромное дело! Но... наверное, она женщина властная?

- Вера Матвеевна? - искренне удивилась Стрекалова. - Да что вы, совсем нет. Она милейший и справедливейший человек. И я ее люблю, как... - тут она замолчала и побледнела.

- Как родную мать, вы это хотели сказать? - тут же подхватила Тобольчина.

Вероника кивнула.

- Какое же это счастье! - раскудахталась Тобольчина. - Счастье вообще, а для вас особенно. Для девочки, выросшей в интернате, найти такую семью и такую

любовь и поддержку... Есть справедливость на свете! И мы счастливы это слышать.

Женя видела, как по лицу Вероники пробежала тень. Бедная! Снова эта вспомнила про ее детство. Стерва, никак не может себя сдержать! Просто удовольствие получает от своего садизма.

- Кстати, Александра, - она снова повернулась к Ольшанской, - а как у вас сложились отношения с вашей свекровью? Так же благостно, как и у вашей визави?

- С какой из? - рассмеялась Ольшанская. - У меня их было, знаете ли, три.

- Ох! - словно смущаясь, хихикнула Тобольчина. - Ну хотя бы с последней.

- А никак, - бросила Ольшанская. - Потому, что... Потому, что она умерла.

- Царствие ей небесное! - сочувственно вздохнула Тобольчина.

Ольшанская равнодушно кивнула.

- А вы, Евгения? Вы утверждаете, что эти проблемы для вас решены? Верно?

- Вполне, как ни странно. Знаете ли, я ведь все время замужем. Ну просто практически с малолетства. Точнее, с восемнадцати лет. Так что эту науку я давно освоила - время было.

Тобольчина довольно кивнула.

- Ну, а теперь подробности!

- Да какие подробности, - отмахнулась Женя, - все просто и без фанатизма. Обед и ужин есть всегда - привычка, выработанная годами. Все как у всех: первое, второе. Компот. А уж на праздники - тут можно и расстараться. Но тоже все как у всех. Обычное, праздничное меню советского человека. Оливье, «Мимоза», мясо в духовке.

– А кто помогает с уборкой? Вам удалось выдрессировать своих близких, как нашей дорогой Александре? Тем более у вас же две дочери? Или, может быть, помощница по хозяйству? А как иначе совмещать интеллектуальный труд и нашу женскую рутину?

– Да тоже все как-то просто. Для нормальной женщины, находящейся дома, убрать квартиру совсем не сложно. Главное – не запускать. А поддерживать – дело нехитрое.

– А ваши дочери? – продолжала настаивать Тобольчина. – Вы вырастили помощниц?

– Дочери мои – студентки, – отозвалась Женя резковато. – Утром в институт, вечером на свидания. Если что-то надо – мне не откажут. Безусловно. Но я стараюсь их не грузить. Молодость пролетает, как подхваченный ветром лист, – быстро и безвозвратно. Пусть поживут в свое удовольствие. А семья и быт их еще пожуют.

– Вот и другая точка зрения, – развела руками Тобольчина, – все понимающая, нетребовательная мать. Наверное, ваши дочери ценят подобное отношение? Вероятно, вы – большие подруги?

Женя пристально посмотрела на нее.

– Да. Разумеется. Мои дочери – мои ближайшие подруги. И, предваряя дальнейшие вопросы: они делятся со мной секретами, доверяют свои тайны и обсуждают своих кавалеров.

– Как прекрасно! Какие замечательные у вас отношения! – закудаhtала Тобольчина. – Мама-подруга – что может быть лучше! А характеры? Они похожи друг на друга?

«Вот к чему ты клонишь! – разозлилась Женя. – А не получится».

– Конечно, разные, – спокойно ответила она, – а разве бывают совсем одинаковые дети? Даже в одной семье?

– А ваш супруг? Он вам помощник? Поддерживает вас в непростые минуты?

– Мой супруг – замечательный человек. Нашему браку уже столько лет... Как говорится – столько не живут. А мы, представьте, живем! И все у нас очень неплохо. И, разумеется, он поддержка. Столько, знаете ли, прожито вместе. И столько пройдено!

– А как у вас со свекровью? С вашей, как говорится, второй мамой? Все ли сложилось, как бы хотелось?

– Да, все неплохо. Моя свекровь – хороший человек. Преподаватель музыки, человек образованный и культурный. У нас, разумеется, бывали разногласия, но ссор и громких скандалов – ни-ни! Мы всегда уважали друг друга и старались не очень друг другу мешать. А это не так сложно, когда живешь не на одной жилплощади. По-моему, со мною все согласятся.

– Итак, – собралась Тобольчина, – про мужей, свекровей, детей и плитку мы с вами поговорили. И что же мы поняли? Что наши прекрасные гости, женщины успешные, достойные и самодостаточные, почти такие же, как мы, самые обычные женщины! Так же балуют своих детей, так же готовят оливье и знают, как включать пылесос. Поговорим теперь о вещах куда более приятных – шопинг, увлечения, хобби! Теперь мы попробуем узнать и все остальные секреты – что любят наши кумиры? Чем увлекаются небожители? Каковы их пристрастия, вкусы? Начнем, мои дорогие?

Тобольчина возбудилась, словно после хорошего секса.

– Александра, дорогая! Давайте по привычке начнем именно с вас. Расскажите своим поклонникам, любите ли вы магазины, часто ли в них бываете, какой стиль в одежде вам близок и чем вы в последний раз побаловали себя?

Ольшанская подняла глаза к потолку, словно вспоминая свои капризы и прихоти.

– Магазины обожаю! – сладострастно пропела она. – Особенно меха и обувь. Могу перемерить двадцать пар туфель и штук десять шуб. Не всегда куплю, но хотя бы слегка развлекусь. Вообще, я – типичный шопоголик. Стыдно признаться, но это правда. Шопинг меня отвлекает и расслабляет. И очень поднимает настроение. Еще люблю ювелирные лавочки – особенно в Италии

или где-нибудь на Ближнем Востоке. Могу там зависнуть на пару часов. – Она притворно вздохнула и очаровательно улыбнулась. – Ну, могут же быть у женщины слабости?

Тобольчина жарко заверила, что пренебреженно.

– А стиль, – задумалась Ольшанская, – ну, это зависит от настроения. Иногда хочется обуви на безумной шпильке, иногда просто балеток или кроссовок.

– А вы, Вероника? Думаю, что и у такой сильной женщины тоже непременно должны быть какие-нибудь женские слабости. Я права?

Вероника вздрогнула и уставилась на Тобольчину.

– Слабости? – протянула она. – Ну, я не знаю... Правда, не знаю. – Она замолчала, и на ее лице отразилась работа мысли. Вдруг она встrepенулась, очнулась – вспомнила! – Я собираю чайнички! – радостно выкрикнула она. – Да-да, чайнички. Заварные. Разные – старые, современные. Главное, чтобы они были... Ну, необычные, что ли. Привожу их отовсюду – когда бываю в командировках, в поездках. Правда, – тут она вздохнула, – правда, из последних поездок я ничего не привезла. Просто забыла. Совсем не было времени.

– Чайнички – это прекрасно! – обрадовалась Тобольчина. – Вообще, любое хобби прекрасно. Любая коллекция радует глаз и навеивает воспоминания. А что же еще, моя дорогая? Что вы любите? Как говорится, что у вас в приоритете?

– Я... я люблю краеведческие музеи. В маленьких городках. – Она вновь замолчала и посмотрела на ведущую, словно ожидая от нее похвалы. – Даже самый маленький музей в самом медвежьем углу расскажет вам о родном крае не меньше, чем обзорная экскурсия. И потом – там работают такие трогательные люди, просто энтузиасты своего дела. За сущие копейки – а сколько там вложено сил и любви!

Тобольчина смотрела на Веронику, как смотрят на тяжелобольного, почти безнадежного пациента.

– Вот как... – задумчиво проговорила она, словно задумавшись, а стоит ли этой... странной даме еще задавать вопросы. – Да... Интересно. Какое у вас милое хобби... А магазины? Ну, должны же вы бывать в магазинах! Вы – элегантная женщина, со своим стилем – не поверю, что даже при всей вашей занятости вы не бываете в магазинах и не балуете себя!

– Бываю, конечно, – тяжело вздохнула Стрекалова, словно вспоминая о чем-то не очень приятном, но обязательном.

– Бываю, – повторила она, – правда, редко. Почему? Да потому, что неинтересно. Мои туалеты весьма однообразны – строгие костюмы, однотонные блузки, лодочки на каблуках. Положение, как говорится, обязывает. К тому же мы, доктора, всегда «под халатом». Слово в броне. Но, – тут она улыбнулась, – если бы я могла... Если бы я могла, я бы постоянно носила голубые, сильно потертые джинсы и разноцветные майки. С какими-нибудь картинками на груди.

– Вот как? – приподняла брови Тобольчина. – Как интересно! Значит, вас привлекают спортивные вещи и яркие тона? Ну, с этим все ясно – всегда привлекает то, что мало доступно.

Вероника грустно кивнула.

– И еще, – Тобольчина хитро прищурилась, – получается, что в вас все еще живет ребенок. Тинейджер, которому нравятся светлые джинсы, и девочка, играющая в игрушечную посуду, – ваши чайнички! Как это мило! – закончила она, и ей никто не поверил.

Вероника густо покраснела и с испугом оглядела своих визави.

Ольшанская, покачав головой, вздохнула, а Женя, подбадривая растерявшуюся Веронику, широко улыбнулась.

– А вы, дорогой наш писатель? Что радует вас? Что вас умиляет и улучшает вам настроение?

– Таких вещей – море! Например, само море. Я так его люблю, любое – Средиземное, Черное, Ионическое, Эгейское, даже Мертвое, – что только там,

на море, отступают все мои проблемы, горести, печали. Именно там мне искренне кажется, что все будет прекрасно и я со всем справлюсь. Только на море я забываю про болячки и про проблемы. И только там – всего-то за две недели – я полностью восстанавливаюсь и набираюсь сил на дальнейшую жизненную борьбу.

– Как здорово! И как я вас понимаю. Я тоже обожаю море и «тюлений» образ жизни. А что же еще? Что еще доставляет вам радость и приносит душевный покой?

– Хобби у меня нет, – улыбнулась Женя, – думаю, что чтение и любовь к живописи никак нельзя назвать этим словом. Это увлечения, длящиеся всю мою жизнь. Чтение – с самого раннего детства. Живопись – позже, осмысленно. В молодости. Не вся, конечно. Далеко не вся. Мне нравится русский авангард двадцатых-тридцатых годов. Ларионова, Гончаров, Фальк, Коровин, Родченко, Альтман, Сарьян. Это мне близко, хорошо знакомо, это радует и каждый раз обогащает меня. Ну, разумеется, французский импрессионизм – тут выборочно. Матисс, Клод Моне, Писсаро, Ван Гог.

Тобольчина заскучала – она смотрела на Женю с таким же сожалением, как недавно смотрела на Веронику.

– Великолепно! – выдохнула она. – Ну, а что-нибудь из житейского? Близкого любой женщине? В смысле – одежда, обувь, ювелирные украшения?

Женя развела руками.

– Вот тут я вас точно разочарую – в одежде я совсем непритязательна. У меня тоже своя униформа – только отличная от Вероникиной, – я люблю брюки и свитера. Так удобно, что я совсем разучилась носить платья и юбки. И я считаю, что брюки – это лучшее, что придумали в двадцатом веке для женщины. Даже лучше, чем мобильные телефоны. Кажется, спасибо за брюки мы должны сказать Грете Гарбо? И еще Марлен Дитрих, не так ли?

– Да... – задумчиво ответила Тобольчина, – брюки, конечно... Удобно. А может быть, аксессуары? Сумочки, часы, платочки? У вас есть предпочтения в этом плане?

– Есть, – кивнула Женя, – главное предпочтение – удобство и минимум аксессуаров.

Тобольчина снова вздохнула и улыбнулась.

– Мои дорогие зрители! Вы можете убедиться, как скромны две наши героини. Как скромны, неприязнательны, неизбалованны. Совершенно как мы – обычные женщины. А Александра – она актриса. Кому как ни ей положено любить все эти женские штучки!

– Стоп! Перерыв пятнадцать минут, – раздался громкий мужской голос. – Ровно пятнадцать! – требовательно повторил он.

Тобольчина ловко выбралась из кресла и стремительно вышла из студии. Следом поднялись и все остальные.

– В курилку? – спросила Ольшанская. – Ну, за компанию!

В курилке между лестничными проемами былолюдно, шумно и очень дымно.

Ольшанская глубоко затаилась и усмехнулась.

– Ага, как же, холодец я варю! Муж мой, наверное, рухнет у ящика. Стираю и глажу, ага. Делать мне больше нечего! Приду после спектакля или со съемок, падаю с ног. Сил нет крем на морду капнуть. Холодец, блин! Вот рассмешила знакомых!

И детки мои... бриллиантовые! Пылесосы и моют полы! Где вы видели сейчас таких деток? Такие сволочи, блин! Трусы грязные с пола не поднимут. Наглые свиньи, а не дети. И на ночь я жру. Жру от вольного. Мясо, картошку, пирожные. Особенно после спектакля.

– А зачем... тогда? – спросила Вероника.

– Чтобы быть ближе к народу, милая! А что, мне всем рассказать, что все это делает прислуга? Чтобы все меня еще больше возненавидели?

– За что? – удивилась Женя. – Вас, по моему, все обожают.

– Ага, разумеется! В третьем браке с состоятельным бизнесменом. Дом на Рублевке, квартира в центре, автомобиль... Шикарный, что говорить, – вздохнула она. – И еще – прислуга! Всем рассказать, что я забыла, как застилают постель? Вызвать так называемую классовую ненависть? Нет уж, мне это не надо. Хватит с меня завистников среди коллег. Сыта по горло, – и она провела ребром ладони по своей длинной, совсем молодой и прекрасной белоснежной шее.

– А ты, дурочка, – прости за фамильярность, – она рассмеялась и посмотрела на Веронику, – наивная, как житель Чукотки. Лепишь как на духу! Думаешь, им это надо? Ни хрена не делаю, ручки не мараю, все золотая свекровь! Ты что, не врубаешься? Все только скажут – вот цаца! Ни черта ей не знакомо – ни магазины, ни рынки, ни борщи с котлетами. Нам еще восхищаться ею? Если она далека от нашей постылой жизни, как Луна от Урюпинска?

Растерянная Вероника пожала плечами.

– Да я же... ну, правду. Все, как и есть на самом деле.

– Правду! – возмутилась Ольшанская. – А кому нужна твоя правда? Что ты – принцесса на горошине? И что тебе так повезло? Подкидыш, а вылезла! Столица, муж-москвич, профессорская семья... Квартира на Фрунзенской, дача в Кратово. Сын отличник, свекровь золотая... Ты что, не врубаешься? Ты ж такая везучая, такая благополучная, что от тебя... просто тошнит! Такая же гладкая, без швов и зацепок, как твой костюм от Армани. Нет, Вероника! Ты просто блаженная! Дурочка, ей-богу, не обижайся. Чайнички, маечки... И как можно, существуя в нашем гадюшнике, оставаться блаженной? Не понимаю. Может, прикидываешься? Грамотно так? Ты уж прости – я человек правдивый, как говорится.

– Я заметила, – буркнула Вероника, – страшно правдивый!

– Страшно, – затянулась сигаретой Ольшанская, – только умная: правдивая, когда надо. Даже Андерсен, – она кивнула на Женю, – и то молодец. Про природу, прибор, про искусство!

- Андерсен? – рассмеялась Женя. – А меня – за что? Так?

- Да потому что брехня! – разбушевалась Ольшанская. – Все твои книги – брехня! И где это ты видела сплошь счастливые концы? Где углядела такое количество бравых героев? Мужики у тебя верные, работающие, жалостливые. Отцы золотые, сыновья сказочные. Ты ж – как Стас Михайлов для них. Для баб наших, в смысле. Он про любовь, и ты про любовь. Он ноет, и ты подбиваешь. И баб наших дуришь. Сказочками про красивую любовь. А все оттого, что ни черта не смыслишь. В этом деле. А еще – инженер человеческих душ! А опыт у тебя? Ну, какой? Выскочила замуж после школы и с одним мужиком так по жизни и тащишься! Что ты можешь знать про бабью долю? Вот и кормишь нас своими сладкими сказочками. Со счастливым концом. А где ты эти концы видела? Процентом пять ведь, не больше. И все это тонет в океане бабьих слез и страданий.

Женя рассмеялась в голос.

- Ну вы... ты даешь, заслуженная! Так меня еще ни разу. Чтоб мордой об стол! Я не в обиде – ты тоже народ. Просто... не очень счастливый, что ли...

Ольшанская серьезно посмотрела на Женю.

- А ты... ты у нас... Очень счастливая? Что-то не верится. Ты уж прости.

- Временами, – кивнула Женя, – не сомневайся. И еще... может быть, и хорошо, что они поверят? Ну, в то, что всем будет счастье? Ты об этом не думала?

Вероника глянула на часы.

- Пойдемте скорее! Нас, наверное, ждут.

- Подождут! – буркнула Ольшанская и бросила бычок в урну. – Скорее бы это закончить, – пробурчала она. – Всю эту галиматью паскудную!

Они вошли в студию гуськом и увидели недовольную Тобольчину, нервно поглядывающую на часы.

- Последний блок! - коротко бросила она. - Можно было поторопиться!

Все расселись, и снова появились гримеры с кисточками и спонжиками.

- Запись! - раздался голос режиссера. - Поехали! С божьей помощью!

Тобольчина скривила лицо и недовольно качнула головой.

- А сейчас, мои дорогие, мы поговорим о нашем любимом празднике. О нашем женском дне. Пусть он всего лишь один раз в году, но именно в этот весенний день мы чувствуем себя королевами, не так ли? Нам дарят цветы, подарки, готовят за нас обед и моют полы.

Ольшанская скептически усмехнулась.

- Ну, да, раз в году. Именно так! Выходит, большего мы не заслужили? Ни цветов, ни подарков?

- Ну, зачем же так мрачно? - Тобольчина выдавила из себя улыбку.

- Зато справедливо! - махнула рукой Ольшанская.

- Ну, здесь уж все зависит от нас, - попыталась выкрутиться Тобольчина. - Как воспитаем своих домочадцев, так все и сложится. Вот вы, Александра. Вы же только недавно рассказывали, как ваши детки помогают вам по хозяйству.

- Да? - удивилась Ольшанская. - А, да, помогают, - вздохнула она, - еще как помогают.

- И все же, - продолжала настаивать ведущая, - а цветы, подарки? Разве нет? Разве ваши любимые забывают об этом?

- О себе, любимой, хорошо помню я. Я сама. Ну, и мои зрители, разумеется. К цветам я привыкла - живу среди букетов всю свою сознательную жизнь. Так что цветов домашние мне не дарят. А подарки - да, разумеется.

- Ну, вот, - обрадовалась Тобольчина, - вот, например... Какой подарок вам подарили в прошлом году? И о чем вы мечтаете в этом?

Тобольчина чуть нахмурила брови, снова ожидая от Ольшанской подвоха.

- В прошлом? - задумчиво повторила Ольшанская. - А, вспомнила! В прошлом году мы с моим мужем ездили на Капри.

- Вот. А вы говорите! - поддержала ее Тобольчина. - Ну, а в этом?

- В этом - не знаю. Заранее мне не докладывают.

- То есть будет сюрприз! - снова возбудилась Тобольчина. - Ведь неожиданность - лучший подарок.

- Да? - почему-то усомнилась Ольшанская. - Хотя вам, наверное, виднее...

Тобольчина тяжело вздохнула и слегка качнула головой, демонстрируя свое недовольство, потом перевела взгляд на Стрекалову.

- А вы, Вероника? Помните наш день в прошлом году?

- В прошлом году, - тихо ответила Вероника, - мой муж, к сожалению, лежал в больнице. С воспалением легких, - грустно добавила она.

- Да, не повезло, - посочувствовала Тобольчина. - Зато уж в этом он, наверняка, все наверстает. Вы о чем-то мечтаете, моя дорогая?

- Выспаться! - быстро ответила Вероника и тут же смутилась. - Ну, а все остальное - на его, так сказать, вкус.

- Господи! - Тобольчина сделала вид, что страшно расстроилась. - Вот ведь о чем мечтают современные женщины! Да, бешеный жизненный ритм дает о себе знать. - Она сложила губы в «печальку», но глаза оставались злобными.

– Ну, а как у вас, дорогая Евгения? – вяло спросила она, не надеясь, кажется, уже ни на что.

– А у меня все замечательно, – бодро отрапортовала Женя, – в прошлом году была корзина ландышей и замечательное платье. А вечером мы пошли в ресторан. И там горели свечи и тихо играла музыка. А в этом... Надеюсь, что мой муж это вспомнит – я намекнула ему кое о чем! – лукаво улыбнулась она. – Хочется думать, что он это запомнил.

Тобольчина улыбнулась.

– Прекрасно! Ландыши в марте месяце, красивое платье... Как романтично, не правда ли? А ужин в ресторане при свечах? Что может быть лучше?.. А теперь, мои дорогие, когда наша передача подошла, как ни прискорбно, к концу, я вот что решила сказать, – Тобольчина смотрела в камеру, и в ее взгляде сквозила печаль. – Как ни жаль прощаться с моими героинями, но эфирное время заканчивается. Увы! – Тут она эффектно помолчала. – Мои героини. Прекрасные женщины. Совершенно разные и такие похожие. Талантливые, успешные, красивые, мудрые... Все это – про них! Для нас, простых смертных, они – небожительницы! Так нам всем казалось, не правда ли? Но сегодня мы с вами увидели и другое. Увидели то, что нас удивило – наверняка. Эти красавицы, умницы и небожительницы – самые обычные женщины. Такие же, как мы с вами. Ну, или почти такие же. Матери, жены, хозяйки. Им тоже не чуждо приготовить обед, испечь праздничный торт и с волнением ждать букета от любимого. Они так же растят детей, переживая их неудачи. Беспокоятся о родителях. Переживают за успех мужей. Они – живые. Они – наши любимые. И мы желаем им – от всего сердца – душевного комфорта, любви и удачи. И еще – благодарим их за искренность. Думаю, что вы со мной согласитесь, мои дорогие! Спасибо нашим героиням и спасибо вам, мои любимые зрители! С праздником любви и весны, мои дорогие!

Она сдернула петличку микрофона и откинулась на спинку кресла.

– Все, аллес, – устало сказала она и прикрыла глаза.

Все медленно поднялись со стульев. Первой из студии вышла Ольшанская, не удостоив ведущую даже прощальным кивком. Женя и Вероника переглянулись и посмотрели на Тобольчину.

Та по-прежнему сидела с закрытыми глазами, словно пребывая в прострации.

– Всего доброго! – сказала Вероника.

Тобольчина открыла глаза, посмотрела на «героинь» мутноватым взглядом, вздохнула и нехотя проговорила:

– И вам... не хворать.

Вышли из студии и двинулись по нескончаемому останкинскому коридору. На лестнице курила Ольшанская. Увидев их, она будто бы обрадовалась и махнула рукой.

– Ну что, девочки? По коньячку для расслабона?

Вероника смущенно принялась отказываться, ссылаясь на срочные дела и ожидавшего ее водителя.

– Ясно, двигатель прогресса и надежда общества. А ты, Ганс Христиан? Тоже – к перу? Строчить нетленку?

Женя улыбнулась.

– Да нет, нетленка подождет. Никуда не денется. Просто хочу пройтись! Сто лет не бродила по улицам. Сплошные колеса.

Ольшанская посмотрела на них с разочарованием.

– Давайте, хотя бы телефончиками обменяемся, а? Так, на всякий пожарный?

Обменялись. У Жени мелькнуло – зачем? Случайная встреча, чужие люди. Да ладно!

Вышли на улицу. Стрекалова простилась и поспешила к темно-синему «Мерседесу». Из машины выскочил водитель и услужливо открыл перед ней дверцу.

– О как! – прокомментировала Ольшанская. – Важный босс, блин! А мы с ней – запросто, на «ты»... – усмехнулась она.

– Вы, – поправила Женя, – не мы, а вы с ней на «ты».

Ольшанская махнула рукой.

– Какая разница! Все мы бабы и все мы дуры. Разве нет?

Женя пожала плечами.

– В каком-то смысле наверняка.

– Во всех! – отрезала Ольшанская. – То, что мы поперлись к этой пиранье – дружно, гуськом, – что, не дуры, скажешь?

Женя кивнула.

– Зря, да. Жалею. Но вроде бы обошлось?

Ольшанская посмотрела на нее, как смотрят на дурковатых – с сочувствием.

– Ну да... Будем надеяться. А вот осадочек все равно остался. А у тебя нет?

– Остался, – кивнула Женя, – надеюсь, завтра пройдет.

Ольшанская ничего не ответила и быстро пошла к машине. Через пару минут ее оранжевая «Ауди» резко рванула с места стоянки.

Проезжая мимо Жени, она небрежно махнула рукой.

Женя пошла по Королева. С неба сыпал мелкий колючий снежок. «Господи, через пару недель Восьмое марта, а зима все не желает сдавать позиции. А ведь надоела, хуже горькой редьки! Как хочется солнца, тепла и... черешни!» – вдруг подумала Женя.

– И еще природы, запаха леса, молодой и свежей листвы, скошенной травы, дымка от мангала и прошлогодних листьев, сжигаемых в старой проржавевшей бочке у калитки.

Она решила, что дойдет до «Алексеевской», а там посмотрит. Останутся силы – поплетется дальше. А нет – нырнет в метро. Благо, ветка прямая, полчаса – и она дома.

Она почти дошла до метро, как вдруг выглянуло яркое солнце, раздвинуло мрачное и серое низкое небо, и в воздухе – вот чудеса – и вправду запахло весной.

«Нет, все же в метро. Дальше не поплетусь. А жаль», – подумала она, вспоминая, как в юности и даже в зрелой молодости они любили бродить по Москве. Любили... с мужем... вдвоем.

Она вздохнула, стряхнула с капюшона подтаявший снег и спустилась в подземку.

Женя вошла в квартиру и увидела, что тапки – серые с заячьими ушами, Дашкины, – стоят в прихожей. Это означало, что дочери дома еще нет. Из комнаты мужа, продолжающей гордо именоваться «кабинетом», в дверную щель пробивался неяркий свет.

Она разделась и тихо прошла в свою комнату. Переодевшись в домашнее – бархатный костюм с желтыми мышами – подарок девчонок, тихо приоткрыла дверь в кабинет.

Никита дремал на диване, укрывшись халатом. Услышав скрип двери, он открыл глаза, и они встретились взглядами.

– Пришла? – равнодушно спросил он.

Она кивнула.

– Обедать будешь?

Муж поднялся с дивана, пошарил ногами в поисках тапок, что-то недовольно заворчал и буркнул, посмотрев на часы:

- Пора.

Женя отправилась на кухню, поставила на плиту суп и в печку второе.

Подошла к окну. Там, словно и не было короткого, обманчивого солнца, снова низко нависло тяжелое серое небо.

Она вздохнула и принялась накрывать на стол. Обедали молча. Женя чувствовала, как начинает заводиться.

- Не интересно, как у меня прошло? - наконец спросила она.

Муж мотнул головой.

- Не-а. А что? Что-нибудь необычное?

Она покачала головой.

- Все обычное. Просто мне непонятно, почему тебя не интересует ничего из моей жизни?

- Это - точно не интересует, - подтвердил муж, - ты же знаешь... как я ко всему этому... отношусь.

- Знаю! - вдруг закипела она. - Вот именно - знаю! Как ты относишься ко всему этому. И к тому, что я делаю, - в том числе.

Он аккуратно положил ложку на стол, встал из-за стола и сказал: «Спасибо».

- А второе? - жалобно спросила Женя.

У двери он обернулся.

– Сыт. Спасибо.

Она отодвинула тарелку с недоеденным супом и заплакала. Понятно: сказалось недовольство, усталость, раздражение – все, чем обрушился на нее сегодняшний день. И все же... Не стоило начинать. Не стоило! Когда и так... Когда и так все так плохо, что хочется... застрелиться.

И все-таки вечный вопрос. А почему им можно, а нам – нельзя? Уставать, раздражаться, проявлять характер и недовольство? Ходить с перекошенной физиономией, демонстрировать отрешенность от семьи и проблем, не желать их, эти проблемы, решать? Все время делать одолжение – одно сплошное одолжение. Пообедал – одолжение. Поужинал – тоже. Спросил о чем-то – тем более. Снизолел, смилостивился, уделил.

А она... Она должна! Всем и всегда. Ему, детям, маме. Все и сразу – попробуй не отреагируй на чью-нибудь просьбу. Попробуй проигнорируй. Да вы что? Мир перевернется! Не среагировать тотчас, сразу, без малейшего промедления. Не бросится решать, разглагольствовать, утешать. Платить, наконец. Последнее – в прямом смысле слова, заметьте! А чтобы все это было, еще ведь, между прочим, нужно и заработать! А все они – мать, дочери, муж – относятся к ней... ну, как бы это... помягче? В смысле, к тому, чем она занимается...

Да вот как относятся, если по чесноку, – как к блажи, к прихоти, к странному хобби. Развлекается тетка в предклимаксном возрасте, занимает себя – ну и славно!

И все-таки зря. Тот хрупкий, ненадежный мир, который едва удастся ей удержать, так сложно, как балансировать на канате, без лонжи, держа в руках опахало, сегодня своими руками сознательно и добровольно она порушила. Дура, что и говорить. Выходит, права Ольшанская. Все мы дуры. Даже самые умные.

Тут она некстати вспомнила, как презрительно обозвала ее творчество Ольшанская, и расстроилась совсем.

Андерсен! Вот и жуй свои розовые сопли, сочинитель, далекий от реальности. Хочешь, чтобы все поверили? Так поверь сначала сама.

Если сможешь, родная!

Никому и никогда она не рассказывала, почему в восемнадцать лет так стремительно вышла замуж. Никому и никогда. Потому... Потому, что никто бы ее не понял. Все восхищались – такой дом, такая семья! А главным подарком и украшением семьи была, разумеется, Елена Ивановна. Мать, хозяйка, жена. И еще, между прочим, завлит музыкального театра.

Мать и вправду была красавицей. Никто и не спорил. Высокая, стройная темноглазая блондинка с низким и сочным голосом. Королева! Она умела носить вещи. Бывает у женщин подобный талант. Она украшала любую вещь. Она, а не ее! Даже суконная черная юбка, перешитая из бабушкиной, и обычная, скучная блузка с кружевным жабо смотрелись на ней как парчовое платье, расшитое жемчугом. Королевское платье. И все – натуральное! Цвет волос – спелая пшеница, белая кожа совсем без изъянов. Румянец, блестящие глаза. Ей почти не нужна была косметика и прочие бабские ухищрения – с раннего утра, с постели, она была так свежа и хороша, словно только что распустившаяся роза.

Правда, судьбу ее удачной назвать было сложно – у Елены Ивановны был когда-то прекрасный опереточный голос. А уж при ее внешности – карьера ей была обеспечена. Но... Поворот судьбы, изменивший всю ее жизнь, – в двадцать три года прекрасная Елена переболела тяжелейшим гриппом и получила осложнения на связки. Петь было заказано. Голос Леночки, звонкий, мелодичный, словно хрустальный колокольчик, стал глуховатым и хриплым. Тогда, после болезни, она впала в тяжелейшую депрессию и еле выкарабкалась года через два. Выкарабкалась, но озлобилась. На все и всех. И замуж, как всем показалось, тоже вышла назло. Кому? Да судьбе! После всех ее кавалеров – ярких, фактурных, талантливых – дипломат, подающий надежды физик, молодой, но уже проявивший себя режиссер – Леночка вышла за человека немолодого, скучного и совсем не привлекательного. Мужем красавицы стал рядовой скрипач из театрального оркестра. Красавицу-жену он, разумеется, обожал. Но... Елена относилась к нему с плохо скрываемым раздражением. Понимая, что грипп загубил ее карьеру, а свою женскую участь она выбрала сама. И никто в этом не виноват. Впрочем, отдыхать на заре семейной жизни они ездили вместе, в гости ходили под ручку, семейные праздники отмечали.

А что было у нее на сердце... Да кто ж поймет? Человек она была очень закрытый, подруг не имела – так, пара приятельниц, совсем незначительных – коллеги по театру. Старший бухгалтер Софья Исаковна и балерина кордебалета Инночка. У обеих судьба была невеселая – Соня была старой девой, впрочем, невредной и безобидной, тайно влюбленной в Леночкиного мужа. Она бросалась на помощь Ленусе в любую минуту, как только та ее звала. Сидела с маленькой Женей, выстаивала очереди в магазинах и притаскивала обожаемой Ленусеньке полные сумки. Служила ей безраздельно и преданно. Впрочем, мать это вряд ли ценила. А Инночка была источником сплетен – никто не обладал таким количеством хорошо и плохо проверенных фактов, про театр и коллег, как Инночка. Елене все это было очень кстати – самой опускаться до слухов и интриг ей было неловко, «лицо» она точно держала. А вот знать все и дергать за ниточки было необходимо. А без Инночки вездесущей ей бы не справиться. Только с возрастом Женя поняла, что мать всех использовала. И никто, абсолютно никто не смог заработать даже толику ее искреннего расположения, не говоря уж про любовь.

И еще. Спустя целую кучу лет, только ближе к сорока и то совершенно случайно, Женя узнала, что всю жизнь – всю жизнь! – все тридцать шесть лет «счастливого брака» у матери был другой мужчина. Младший брат Сони – Илья. Женя пару раз, еще в детстве, видела его. Он был высокий, седой и очень красивый. Очень значительный. Жил он одиноко, так и не женившись, служил архитектором в каком-то НИИ, детей у него не было. Почему они не сошлись насовсем? Почему мать так и не ушла к нему, бросив отца? Ведь он был свободен. Загадка. А спросить было не у кого – Соня уже умерла, а подобный разговор с матерью был невозможен. И у самого Ильи спросить было сложно – в начале нулевых он уехал в Америку. Навсегда.

Женя тогда мать только пожалела. Сколько дала ей природа! А результат? А отца... Отца тоже, конечно, жалела. Но... Он, кажется, был вполне доволен судьбой: у него было три страсти, три любви – мать, кактусы и пироги. Кактусы он собирал. Все подоконники были заняты кактусами. Состоял в обществе кактусоведов. Ездил на какие-то встречи, менялся сортами, в общем... Женя всегда удивлялась: кактус казался ей растением странным, неласковым, неживым. Пироги он пек сам, еженедельно. Получалось вкусно. И еще – отец всегда ходил дома в фартуке. Она никогда больше не видела мужиков, которые не снимали фартук!

К дочке он был равнодушен. Так ей казалось. Впрочем, наверное, это была чистая правда – любовь к жене затмевала все остальное. Даже дочь.

Дочкой Елена Ивановна была недовольна. Внешностью, это было ее твердое убеждение, Женя не удалась. Серая мышь. Тощая, голенастая. «Ни изюма, ни огня», – повторяла она.

Хотя в юности Женя считалась хорошенькой.

Мать пыталась с дочкой бороться – Женя не уступала. Из вредности, не иначе, решила она. Да! Вздорный характер – еще один минус. Неусидчива, поверхностна. Способностей – ноль. Обычная, средняя девочка. И что ее ждет? Ну уж точно не карьера и не прекрасный принц. Так и протасится середняком. Обидно. А она, Елена Ивановна, ох как старалась! Покупала «своей дуре» модные тряпки. У спекулянтов, между прочим. Кто бы ценил! Пыталась приучать к косметике. В шестнадцать лет потребовала, чтобы дочка постриглась и изменила цвет волос. Ни-че-го! Ничего этой дуре не надо. Даже единственное, что было у нее хорошо – красивые ноги, – эта дурища прятала под потертыми джинсами. Вы это видели? Хвост на затылке стянут аптечной резинкой. Джинсы, свитер. На три размера больше, чем нужно. Грудь – и так кот наплакал – а уж под этой хламидой... Нет, не сложится жизнь. И семья, кстати, тоже под большим, так сказать, сомнением.

Школу Женя закончила так себе. Ни в иняз, ни в МГИМО идти не захотела. Пошла в педагогический. И Елена Ивановна торжественно объявила: «Теперь ты точно – старая дева!»

Женя часто думала, что замуж она вышла назло. Назло матери, чтобы доказать ей. А однажды задумалась – а книги? Книги – не для того же? Ее, так сказать, творчество? Ее прорыв – нереальный, невозможный? То, что она стала известной писательницей? Без всякого блата и чьей-то поддержки? Почти в сорок лет? Небывалый ведь случай – вырваться из средней школы и стать читаемым автором. Чтобы Елена Ивановна гордо сказала: «Евгения Ипполитова – моя дочь!» Хоть один проект матери оказался удачным. Неожиданно удачным. Хотя Елена Ивановна, похоже, так не считала.

Все мы из детства. И наши комплексы – в том числе. Никита появился на первом же курсе. Брат одногруппницы. Приехал к сестре на картошку, привез продукты и теплые вещи. Женя тогда удивилась – оказывается, вот что такое забота! И вот что такое семья. К ней не приехали ни разу, хотя в семье была машина. Девушки при виде Никиты засуетились и принялись наводить марафет. А Женя не поспешила – подняла глаза на красавца и тут же уткнулась в книгу. Такие не для нее, это понятно. А он – вот чудеса – попросил у сестры телефон именно Жени.

А через два дня после окончания сельских кошмаров, уже в Москве, он позвонил. Женя совсем растерялась и что-то мычала в трубку как полная дура. Слава богу, согласилась встретиться. Никита уже закончил Финансовый и служил в Министерстве финансов. Должность, конечно, маленькая, но есть перспективы. Жил с родителями и сестрой в маленькой двушке на Соколе. Через пару недель уже всюду целовались в подъездах, и Никита вздыхал и томился, поражая неопытную Женю своим напором и натиском.

Женя дергалась и вырывалась, не понимая его нетерпения, а он жарко клялся в любви и продолжал с тем же рвением яростно прижимать Женю к стенке в мрачном и темном подъезде.

Новый год встречали вдвоем в квартире его родителей. Те уехали в гости, прихватив с собой дочь. Там все и случилось, и утром, глядя на сонную Женю, он спросил: «А может быть... нам пожениться?»

Она растерялась, пыталась неловко отшутиться, пошла в ванную и там под включенную воду задавала себе один и тот же вопрос: а любит ли, собственно, она его? Того, с кем провела сегодняшнюю ночь?

И ответа не находила.

Да нет, скоро нашла. И ответ этот ее очень обрадовал – Никиту она очень любит! За то... что он любит ее. Ведь ее, Женю, полюбить было сложно. Почти невозможно – так говорила Елена Ивановна, мама. За что ее можно любить? Она – серая мышь. Ни ума, ни таланта. Ни красоты. «Боже, как мне повезло!» – думала Женя, давно подготовленная матушкой к роли старой девы.

И правда, любила. Как поняла? Да потому, что ей очень нравилось отвечать на его любовь. Отвечала отчаянно, отзывалась горячо, словно боясь, что все это внезапно кончится, оборвется. Что он заподозрит ее во вранье. Она, не привыкшая к тому, чтобы ее любили, нуждались в ней, торопились к ней, скучали по ней, шептали ей невозможные слова, все ждала, когда молодой муж, наконец, прозреет и увидит то, что, собственно, всегда видела в ней ее мать. Обычную женщину, рядовую, незначительную – такую, которая не стоит пылкой любви и нечеловеческой страсти.

Мать отнеслась к выбору дочери благосклонно. И даже слегка удивилась, приподняв красиво изогнутую бровь, когда Никита пришел просить руки ее дочери.

– Выходи! Что тут думать? – не стесняясь своей откровенности, сказала она. – И считай, что тебе повезло.

Даже не поинтересовавшись, а любит ли дочь своего избранника.

Свадьбу сыграли в дорогом ресторане – на этом настояла Женина мать. Родители Никиты были смущены и растеряны – это никак не вписывалось в их скромный бюджет. Но послушаться Елену Ивановну не посмели. Денег назанимали и свадьбу сыграли – куда деваться?

Мать заказала в швейном театральном цеху свадебное платье. Оно получилось чудесным. Чуть розоватое, самую малость, длинное, струящееся, шелковистое. По воротнику и по подолу нежное кружево, и маленькая шляпка-таблетка тоже украшена кружевной вуалью. Кажется, впервые в жизни она была довольна дочерью.

На свадьбу были приглашены ведущие артисты театра и прочая театральная знать. Только родители Никиты смущенно жались в углу, с тревогой разглядывая великолепие стола и знатных гостей.

Сняли комнату – волевым решением матери.

– К нам – невозможно, – объяснила она, – ни вам, ни мне это не нужно.

А у родителей Жени была, кстати, трехкомнатная квартира. Приличного метража. К свекрови – вообще полный бред. Ни кубатуры, ни смысла вообще. «Такую дуру, как ты, тут же загонят под лавку», – повторяла мать.

Первую свою комнату они очень любили. И с тоской вспоминали все годы. Она и вправду была чудесной – пусть первый этаж, совсем низкий, зато густой палисадник в сирени, тихая улочка, огромное окно, полукруглые стены, в которых трудно было расположить мебель, но которые почему-то придавали жилищу неповторимость и уют. Да и какая у них была мебель? Тахта, книжный шкаф и шкаф платяной. Торшер с голубым абажуром, столик у кровати, покрытый синей скатеркой. Свечи в керамических подсвечниках и засохшая роза в бутылке из-под шампанского. Денег на скромную жизнь хватало – зарплата Никиты и Женина стипендия. На пельмени, готовые котлеты, билеты в кино и театр и даже «на принять друзей» – тогда было просто. Кто-то приносил салат с колбасой или с рыбой, кто-то жареного цыпленка, Женя пекла простой пирог, чаще всего шарлотку, открывали банку консервов – шпротов или сайры – и сидели до утра, запивая все это вином. Иногда варили глинтвейн.

Сосед Петрович был тих и почти незаметен. По вечерам уходил к зазнобе – так он называл свою любовницу Дусю, жившую тремя этажами выше.

Все эти годы вспоминались как сплошное счастье. Счастье и любовь. Никита был нежен, заботлив и щедр. Каждый день, возвращаясь с работы, он приносил жене розу или тройку гвоздик – с деньгами, да и с цветами было тогда непросто.

А спустя четыре года Елена Ивановна объявила, что пора иметь свой угол. Приличные люди так не живут. стыдно сказать людям, что единственная дочь снимает какой-то угол. И снова ее волевым усилием вступили в кооператив. Половину денег дали Женины родители, а вот вторую половину... Елена Ивановна требовала, чтобы дали родители мужа. Именно требовала. Да что с них было брать? И Женя с Никитой решили, что деньги найдут. Сами. И «тещеньке» – как с иронией называл ее Никита, об этом не скажут. Деньги нашлись – не сразу, с миру по нитке, но все же собрали. Часть, кстати, дала верная Соня, больше всего переживая, что об этом узнает Ленуся.

Через полтора года въехали в новую квартиру. Конечно, это было огромное счастье. Казалось бы, тещенька была как всегда права. Но... Осадочек, как говорится, остался. И семейных встреч молодые старались избегать. Впрочем, и сама Елена Ивановна общаться с новой родней, со сватами

не спешила. Женя закончила институт, пошла работать в обычную школу. И тогда они стали подумывать о ребенке. Но ничего не получалось! Врачи говорили, что они оба совершенно здоровы, просто надо немного подождать, так бывает. Бывает и десятилетиями, а потом раз! – и женщина прекрасно рождает.

Восемь лет. Восемь лет ожиданий, разочарований, слез и семейных ссор. Восемь лет.

Они стали отдаляться друг от друга, про себя обвиняя, разумеется, партнера. И тут...

Судьба. Как говорится, судьба. Только купили машину – старенькую, подержанную. Но все же машину! Первая поездка в Пушкинские Горы. Просто решили «жить полной жизнью». Раз бездетны, пусть жизнь будет наполнена событиями и путешествиями. Надеялись в душе, что это их сблизит и ситуацию исправит.

Выехали в ночь, рассчитывая добраться до места совсем рано утром. А почти перед Святыми Горами – авария. Страшная, дикая. Прямо перед их носом. Еще бы минуты две, и на месте этих несчастных точно бы оказались они. Мужчина и женщина – молодые, почти их ровесники – погибли на месте. А ребенок, девочка, чудом оказалась жива! Спала на заднем сиденье и отделалась легкими царапинами.

Они остановились у обочины, ожидая «Скорую» и милицию, а Женя схватила ревущую от страха девчушку и прижала к себе.

Только под самое утро все закончилось: мужчину и женщину увезли, машину оттащили, протоколы были составлены, и все свидетели опрошены. Девочка дремала у Жени на руках.

– А ребенка... Куда? – тихо спросила Женя.

– В больницу, – равнодушно ответил милицейский, – а дальше будем пристраивать. Бабушки, дедушки. Короче, к родне.

Женя вздрогнула и прижала девочку сильнее.

В больницу поехали следом. Никита с удивлением смотрел на жену, видя, как она баюкает и утешает ребенка.

В приемном покое девочку забрали.

На улице некурящая Женя попросила у прохожего сигарету и все никак не могла отойти от больничного крыльца и усесться в машину.

Разумеется, они вернулись в Москву. Женя все время молчала. На вопросы мужа отвечала односложно: да, нет, не знаю. Перестала готовить и убирать в квартире. Взяла больничный и целыми днями лежала в кровати, отвернувшись лицом к стене.

Однажды Никита не выдержал и стал кричать, трясая ее за плечи. Он кричал, что нужно немедленно к врачу. Что, если ее сейчас не вытащить, она погибнет. А следом за ней и он.

Она, словно замороженная, тупо смотрела на него. Даже не было слез.

Теперь плакал Никита.

– Что мне сделать, что бы ты пришла в себя?

Одними губами она прошептала – поедем туда. И заберем нашу девочку.

Он отпустил ее и с каким-то ужасом и непониманием уставился на нее.

– Я подумаю, – тихо ответил он.

А Женя снова отвернулась к стене.

Документы оформляли почти четыре месяца, и все это время, раз в неделю, Женя ездила в М. Она приходила в дом малютки и наблюдала за девочкой из-за стеклянной двери. Наконец директриса сжалась и стала пускать Женю

к ребенку. Женя гуляла с девочкой в парке, сидела с ней на речке и покупала ей шарики и игрушки. В Москве она так скучала по ней, что совсем перестала спать по ночам. Никита относился «к этой затее» скептически. Елена Ивановна ничего не знала – Женя умоляла мужа пока не посвящать в это мать.

Про родственников девочки было известно следующее: бабушки и дедушки со стороны матери не было вовсе – мать девочки выросла в детдоме. А родители отца, точнее дед Маруси, жил в деревне, здорово пил и вдовел почти десять лет. Когда Женя с соработником приехали к нему, от внучки он отказался сразу. Да и кто бы доверил ее ему?

И только тогда, после этого визита, Женя облегченно выдохнула – на ЕЕ Марусю претендентов не было.

Иногда Никита, с удивлением глядя на жену, пытался поговорить с ней на «эту тему». Предлагал еще раз подумать и не делать все сгоряча.

Женя удивлялась, принималась горько плакать и обижаться.

– Ты не понимаешь? – страстно спрашивала она. – Как ты не понимаешь, что все это – не сгоряча? Это мой ребенок! Разве ты сам этого не чувствуешь? Мой!

– А про меня ты не подумала? – осторожно спрашивал муж.

Она снова принималась рыдать и коротко бросала:

– Ну, если тебе... это – так, то давай разведемся!

Он крутил пальцем у виска, качал головой и тоже обижался. Общались они тогда только по делу – коротко и конкретно. А однажды ночью, когда оба не спали и пытались скрыть друг от друга бессонницу, Никита вдруг сказал:

– А ты не видишь, что вся наша жизнь с тобой катится под откос?

Она вздрогнула, впервые осторожно, словно боясь быть отринутой, прижалась к нему, чувствуя, как он по ней соскучился.

Потом, после давно забытых ласк и признаний, она горячо шептала ему, что все наладится, обязательно наладится и даже будет еще лучше, чем прежде. Потому, что с ними будет Маруся...

Когда, наконец, бумажная волокита была почти закончена, Женя бросилась по магазинам в поисках кровати, одежды и игрушек – Маруся должна приехать в свой дом, считала она.

Никита по-прежнему тяжело вздыхал, словно предчувствуя грядущие неприятности. Впрочем, уж до них было еще ох как далеко! Целая жизнь.

Маруся быстро освоилась на новом месте. Она была спокойным ребенком, но временами на нее находила словно оторопь. Она замирала, и растормошить ее было почти невозможно. И по ночам случались истерики, да такие, что, бывало, Женя таскала ее на руках по несколько часов, а та все не засыпала, вздрагивала и снова заходила в плаче.

Никита уходил спать на раскладушку в кухню. Утром он с Женей не разговаривал, а на Маруську и вовсе не смотрел. Женя чувствовала себя виноватой, но одновременно злилась на мужа и обижалась. В доме было напряженно, тревожно и душно, словно перед грозой.

Реакция матери была, разумеется, предсказуемой, но... Чтобы до такой степени! Даже Женя, отлично зная матушкин нрав, такого не ожидала.

Елена Ивановна, едва узнав о случившемся, ворвалась в квартиру и, не взглянув на девочку, подняла дикий крик. Она кричала, что Женя идиотка, слабоумная, невменяемая и опасная для общества. Обещала собрать комиссию, которая докажет Женину несостоятельность. Она угрожала, пугала и требовала, чтобы дочь немедленно «отправила ЭТО» обратно.

Никита курил на кухне и в комнату так и не вышел. Женя посчитала это предательством и долго не прощала этого мужу. Много лет не могла с этим справиться и забыть.

Сначала она пыталась увещевать мать, совала ей в нос Маруську, призывая посмотреть, какая это «чудесная девочка». Объясняла матери, что ребенок был

ей необходим, жизненно необходим. И раз так случилось, то это сама судьба, сам Господь бог послал ей Марусю.

Мать на девочку так и не посмотрела, а Маруська, испугавшись скандала и криков, устроила такую истерику, что ее начало рвать прямо на пол.

Елена Ивановна по-мефистофельски рассмеялась, брезгливо скривилась и у порога выкрикнула последнее:

- Вот это – самые мелочи! – А дальше – дальше хлебать будешь полной ложкой. Половником будешь хлебать! И на меня, как ты поняла, рассчитывать нечего. – И шепотом добавила: – И Никита уйдет. Вот увидишь – смоемся! И смоемся скоро. От своих бегут, а тут... А гены, милая, еще вылезут. Только позже. Не сомневайся. А ты уже будешь одна. И тогда меня вспомнишь!

После ухода матери Женя зашла на кухню и бросила мужу:

- Предатель!

Потом пошла укладывать Маруську и услышала, как Никита, громко хлопнув дверью, ушел.

В ту ночь домой он так и не вернулся. И Женя заставила себя привыкать к мысли, что их семейная жизнь, скорее всего, закончилась.

Но все вышло не так. Никита вернулся через неделю – растерянный, похудевший, задерганный и очень виноватый. Сказал, что очень ее любит и жить без нее не может. А про девочку... про девочку – он называл ее именно так – сказал, что попробует. В смысле – очень постарается. Но как выйдет – не знает. Честно – не знает. И еще добавил, что все мужики – дерьмо. Он убедился в этом на собственном примере. Слабаки да и только.

Женя его простила – она всегда терялась перед признаниями и извинениями. Перед честностью.

Было непросто, но она видела, как Никита старается. Он стал помогать с Маруськой, участвовал в купании, пытался играть с ней и читал на ночь сказки.

С матерью Женя тогда не общалась. Иногда звонила отцу, но тот, оставаясь верным себе, жаловался на здоровье, говорил про «Леночку» и «Леночкиными» фразами. Про Маруську – ни слова. Впрочем, Женя и не ждала другого – он и к ней, родной дочери, был равнодушен. Никакого голоса крови. Что говорить про Маруську?

А Маруська к Никите тянулась. И сразу стала называть его папой.

А через два года после удочерения Марушки Женя поняла, что беременна.

Никита словно заново родился – был так счастлив, что передать невозможно. И однажды обмолвился – невзначай, словно случайно:

– Торопыга ты, Женька! Ведь я говорил – подождали бы! И все бы у нас было нормально.

Женя остолбенела. Потом взяла себя в руки, постаралась не устроить скандал и делано рассмеялась.

– Ну, два ребенка лучше, чем один. К тому же если будет мальчишка!

И еще раз, теперь навсегда, поняла – ничего не изменилось. Сердцем и душой Маруську он так и не принял. А что будет дальше? Когда родится их малыш? Когда всю свою нерасплесканную любовь он вывалит на родного ребенка? Все было неясно и ясно одновременно – ей, Жене, будет еще сложнее. Хотя, куда уж сложнее... и на это-то иногда совсем не хватает силенок...

Но родилась девочка, а не мальчишка. Дашка. Марушкина сестра.

Дашка была абсолютно ангельским дитенышем – не в пример Марушке, что и говорить! Она спала по ночам, прекрасно ела (накормить Маруську всегда было сложно). Просыпаясь, не плакала. Лежала в кроватке и играла в погремушки.

Однажды Маруська подошла к Дашке и стукнула ее неваляшкой по голове. Раздулась шишка, и Дашка подняла дикий крик. Как назло, Никита был дома. Он схватил Маруську за руки, сильно встряхнул и дал пару раз по заднице.

Теперь ревели в два голоса. А Женя вырвала Маруську из мужниных рук и бросила ему в лицо:

- Не смей! С такой жестокостью... Ты - гад и эсэсовец!

Таких слов в их семье не произносили. Скандал перерос в двухмесячное молчание и жестокую обиду друг на друга.

Елена Ивановна, разумеется, после рождения Дашки «нарисовалась». Приезжала раз в неделю, привозила дорогушие, невиданные фрукты, одежду и игрушки - в одном экземпляре, рассчитанные только на Дашку. Маруську она по-прежнему не замечала.

А дурочка-Маруська почему-то любила «красивую тетю». Ластилась к ней, пыталась прислониться, гладила по руке. А однажды назвала «бабулей». Елена Ивановна дернулась, поманила Маруську холеным пальчиком и, жестко взяв ее за руку, внятно сказала:

- Я, моя милая, никакая не бабушка. Точнее - я бабушка Даши. А тебе я - Елена Ивановна. Уразумела?

Маруська испуганно кивнула, выдернула ручку и убежала в ванную - реветь.

Она вообще была плаксивой, тревожной, болезненной. От громкого шума вздрагивала, боялась голубей, шуршащих и воркующих на подоконнике. Расстраивалась из-за мультфильмов, где кто-то кого-то обидел, плакала, когда Женя читала грустную сказку. Женя повела ее к невропатологу. Разумеется, была рассказана вся история, без прикрас.

Невропатолог, пожилая умница, повидавшая на своем веку немало горя, тяжело вздохнула и сказала:

- Ну, лечение я, безусловно, вам подберу. Девочка станет спокойнее. Но... Когда все это случилось, ей было чуть больше года. Она, конечно, многого не поняла, но на стресс организм среагировал. И девочка была вырвана из своей среды - попав в дом малютки. Да и кровь - не вода! Вы же не знаете толком, что и как было в родной семье. И к тому же история с детским домом у матери, пьющий

дед, ну и так далее... Вы ж понимаете! – грустно заключила она. – С усыновленными детками... часто бывает что-то не так. Наберитесь терпения и верьте, что все обойдется. Или по крайней мере – многое.

А терпения Жене было не занимать – даже Никита называл ее «чемпион по терпению». «Мамина школа, – отвечала она, – с моей матушкой научилась».

Но, став чуть старше, девчонки подружились – вместе играли, вместе ходили в сад. Маруся была заводилой, а тихая и смирная Дашка во всем подчинялась сестре. Впрочем, «давать прикурить» Маруся начала довольно рано – часто шкодничала, устраивала провокации, подбивала сестру на всякие детские непотребства. Иногда врала. И это было печальней всего.

– Перерастет, – успокаивала себя Женя, – все-таки стресс, пережитый в детстве, именно стресс дает о себе знать.

Никита родную дочь обожал. Дашке прощалось все, и Маруся была во всем виновата. Справедливости ради – именно Маруся устраивала скандал, брала без спросу конфеты, хулиганила в саду и отбирала у Дашки игрушки.

Женя ловила себя на мысли, что Марусяку она все равно оправдывает. Или старается оправдать. Жалеет ее больше, чем Дашку. Старается подложить кусок послаще. Первой на ночь она всегда целовала Марусяку. Дашка не ревновала – с ее-то огромным сердцем! А вот Маруся была ревнивая. Иногда было заметно, что Дашку она старалась подставить – неловко, по-детски. А Женя снова убеждала себя, что так старшая дочь старается привлечь к себе внимание и заслужить любовь отца. И снова оправдывала, оправдывала...

Дашка, умница, по счастью, была лишена какой-либо ревности вообще. Она искренне любила сестру и всегда ее защищала.

И только когда пропали сережки... Подарок младшей к четырнадцатилетию...

Дашка мечтала о них – смешные, совсем девчачьи стрекозки с зеленоватыми эмалевыми крылышками и стразиками, они были нежные, ненавязчивые и очень милые. Конечно, Никита купил их с превеликим удовольствием.

Дашка была счастлива. Она всегда умела радоваться – даже самой незначительной малости.

А Марусе, кстати, накануне, на два месяца раньше, на ее день рождения, был подарен компьютер – по ее же, собственно, просьбе.

А спустя два месяца стрекозки пропали. Обыскали, естественно, весь дом. Дашка была большой растеряхой. Потерять сережки на улице, одновременно обе – абсурд. И застежки там были хорошие. Никита как-то сразу напрягся и внимательно посмотрел на старшую дочь.

Маруська, поймав его взгляд, вдруг закричала:

– Что? Думаешь на меня?

Никита дернулся и вышел из комнаты. Женя бросилась утешать красную от злости Маруську.

Дашка пошла к отцу и устроила ему настоящий скандал.

А пару недель спустя Дашка увидела стрекозок в ушах одной старшеклассницы.

Она подошла к ней и осторожно спросила, откуда у той сережки. И девица спокойно ответила, что серьги ей продала Маруська.

Дашка вернулась домой совершенно убитая и только к вечеру рассказала все Жене.

Женя пришла в ужас и обещала подумать, как разобраться с Маруськой. Тут Дашка, покраснев, тихо попросила мать не говорить о случившемся отцу.

Маруська, призванная к ответу, совсем не смутилась, тут же со всем согласилась и ответила незатейливо и просто:

– А были нужны деньги.

На Женин вопрос «зачем?» – Марусяка противно хихикнула и «пошутила»: расходы!

И именно в эту минуту Женя окончательно поняла – все еще ПРЕДСТОИТ. И даже то, что она и представить себе, скорее всего, не может. Даже при всей ее бурной фантазии...

* * *

Аля – как называли ее домашние – лихо крутила руль и нагло обгоняла машины. Водители, возмущенные ее некорректным поведением на дороге, обгоняли ее, готовые обложить, как водится, шестиэтажным и всем знакомым шоферским матюжком. Но, узнавая ее, почти моментально, округляли глаза, открывали рты, и на их растерянных лицах тут же вспыхивали смущенные улыбки. Александра в ответ улыбалась и слегка махала рукой.

Она думала про своих сегодняшних визави. Странное дело! Взрослые тетки, умные, вроде... Да нет, разумеется, умные! И такие... лохушки. Ладно эта писательница – та еще ничего, держала лицо. Но эта профессорша! Ну, вообще – смех и грех. Краснеет, бледнеет – словно девственница перед первой брачной ночью. Теряется, трепыхается, отпор дать не может. И как она, вот интересно, со своими студентами? И пациентками? А с сотрудниками? Тоже робеет? А они, сегодняшние... Палец в рот не клади. Хамы такие! Будьте любезны! По собственным деткам знает – не дай бог, попадешь на язык... А на этих симпозиумах? Как она там заседает, и кто ее вообще будет слушать – такую овцу? Да еще бабу? Они же там тоже все... Бультерьеры, каких мало. А эта – маленькая, плюгавенькая, голосок как у девочки. И все туда же! По виду – учительница младших классов. Причем в сельской школе. Нет, наверняка умница. И все же чудно...

Потом она вспомнила про Тобольчину, и настроение сразу испортилось. Знала, разумеется, что эта Марина – змея еще та. В Останкино Ольшанская человек бывалый. Зря подписалась, конечно. Все тщеславие неумное. Чего тебе, Аля, мало? Славы, может быть? Денег, успеха? Чего ты поперлась к этой гадюке? Знаешь ведь, она из тех, что нароют самую гадость. И почти не веришь в ее обещания вырезать... Разве тебе нужен скандал, Аля? Сплетни, интриги, расследования? А? Что молчишь? А молчишь потому, что нужен! Чтобы снова заговорили, заверещали, зашушукались. Пожалели и посочувствовали – наша!

Своя! У плиты и при швабре. И детки у нее – такие же, как у нас. Те еще детки. У нее, у королевы! Что ж тогда нам? И смотреть по телеку на твою свежую после подтяжки морду будут с утроенной любовью и придыханием – как же страдает наша родная! Милая наша, любимая! Что тебе, Алечка, надо? Всего и побольше? Не наелась еще, дорогая?

Да нет, наелась. В горле стоит. А что же мне надо? Хотите, родные, узнать?

Счастья мне надо! Бабского, нормального. Пресного и обыденного. Хотя бы чуть-чуть. Самую малость. Не заслужила? Наверное...

Родители-ленинградцы всю молодость – лучшую часть жизни – провели в гарнизонах. Хорошая была семья! Настоящая советская: папа-военный, мама-учительница. Подходили друг другу, как ботинки на обе ноги. Мама, не раздумывая ни минуты, бросилась вслед за отцом. Ее, благополучную, профессорскую дочку, не пугали дальние края, убогое жилье, отсутствие комфорта и нормальной жизни. Была она девочкой нежной, избалованной, залюбленной – папа, мама, бабушка с дедом и нянюшка Тоня. Лидочка в детстве много болела, и вся семья порхала над ней, как бабочки над капризным цветком. Профессорская квартира с окнами во всю стену, старинная мебель, светильники на бронзовых ножках. Темные картины – портрет бабули, известной питерской красавицы. Белая супница в розовый цветочек, пирожки с мизинец к бульону с кореньями. На Пасху пекли куличи с цукатами и делали пасху – в старинной деревянной форме. Изюмом бабуля выкладывала буквы – «ХВ».

Тихая Лидочка, хорошенькая, как куколка, мечтала учить детишек. Непременно – малышей. Вкладывать доброе и вечное – терпеливо, с любовью и нежностью. Помнила слова бабули – что заложишь с младенчества, то и получится из человека.

А в восемнадцать влюбилась. Да как не влюбиться? Красавец был парень. Курсант! Плечи широкие, улыбка белозубая, глаза синие... И семья замечательная. Папа, Борис Самсонович Ольшанский, – известный артист, красавица-мама, Нина Захаровна, – директор школы. Той самой, куда мечтала попасть наша Лидочка.

Муж Андрей потом говорил:

– Увидел тебя и сразу – как голову потерял. Тоненькая, беленькая, завитки на затылке. Глаза перепуганные – как у ребенка.

– Почему перепуганные? – смеялась Лидочка. – Я ничего не боялась!

После скорой свадьбы – жених заканчивал училище и торопился жениться – поселились у Лидочки на Театральной площади. А через полгода молодые объявили родне, что уезжают. Все тут же засуетились, принялись подключать обширные связи – необходимо оставить детей в Ленинграде! Куда Лидуше с ее слабым здоровьем? Но нет – молодые твердо решили служить. Именно там, в далеком гарнизоне. Пройти весь путь, что положено. От лейтенанта до генерала. Точка. Ни слезы мамы и бабушки, ни увещевания отца и деда, ни уговоры свекрови и свекра – ничего не помогло!

И уехали. Гарнизон был дальний, сибирский. Как все гарнизоны. Темное перемороженное мясо, толстенные серые макароны, маргарин вместо масла. Ни овощей, ни фруктов. Комната в тринадцать метров – скрипучая кровать, шкаф с оторванной дверцей и запахом мышей, щелястый пол и разболтанные окна с подоконником, на котором – внутри комнаты – лежал примерзший снег.

На общей кухне с низким, закопченным потолком царила бабья вольница – сплетни, сплетни, разборки и ссоры. Но и – крепчайшая женская дружба. Не дай бог, у кого беда. О распрях тут же забывали. Женщины в застиранных байковых халатах, с бигуди на голове жарили, парили, варили, передвигаясь в кухонном дыму и чаду, как в преисподней. Пахло вареной капустой и пригорелым молоком. Громко орали дети, цепляясь за края халатов мамаш. Лидочка вылетела из этого ада, бросилась в свою комнату и начала горько рыдать.

Неожиданно дверь отворилась, на пороге стояли недоумевающие соседки и с удивлением глядели на новенькую чудачку.

– Обидел кто? – удивленно спросила одна – крупная, грудастая, в золотых серьгах с ядовито-красными камнями.

Лидочка стыдливо уткнулась в подушку и покачала головой.

– И чего тогда? – никак не могла взять в толк соседка. – Ступай на кухню – мужик скоро придет. А жрать будет нечего.

Лидочка снова замотала головой.

Соседка вздохнула, села на край кровати и погладила Лиду по голове.

– Московская, что ли?

– Питерская, – хлюпнула Лида.

– А, ну понятно! – протянула та, и все засмеялись.

– Ну, питерская, пойдем на ликбез! Будем учить тебя. Родину любить. И родного мужа.

Все рассмеялись. Рая – так звали новую знакомую – была непререкаемым авторитетом и председателем женсовета. Она взяла Лидочку под свою опеку. И уже через полгода та квасила капусту и солила грибы. Иногда Рая выбивала у начальства грузовичок, женщины дружной толпой набивались в брезентовый кузов и ехали на «охоту» – так называлась вылазка в ближайший городок за продуктами. Одни бежали в универмаг и распределялись со списками по отделам – детские колготки на всех, отрезы на платья в отделе тканей, кастрюли, стиральный порошок в хозяйственном, шампунь и детский крем в парфюмерном. Другие атаковали центральный гастроном и тоже рассеивались по отделам – мясной, молочный, бакалея. Местные называли их «голодный десант» и ненавидели – самим бы досталось! Рая обходила товарок и проверяла списки – все ли учтены, все ли «окучены» – как она говорила.

Потом шли в кафе и устраивали себе «отходную». Заказывали шашлык и шампанское.

На обратной дороге громко пели песни, рассказывали анекдоты, от которых бедная Лидочка заливалась пунцовой краской, и снова бурно обсуждали жену начальника части («маму» – как ее называли) и жизнь в городке.

Лидочка удивлялась их женской стойкости, способности к выживанию, терпению и оптимизму.

Она, конечно, с тоской вспоминала любимый город, студенчество, огромную квартиру на Театральной и родных. Скучала по питерским музеям, театрам, любимым улицам. Но ни разу – ни разу! – у нее не возникла мысль уехать, сбежать от всех этих трудностей, от невыносимых условий и тяжелой служивой жизни.

Она так любила мужа, что, приготовив ужин и прибравшись в комнатке, садилась у окна и вглядывалась в темноту улицы – и почти всегда угадывала ту самую минуту, когда он возвращался домой. Тогда она бросалась к двери, распахивала ее в любую погоду и кидалась ему на шею.

Через полтора года она родила дочку – Алечку. А еще через четыре – сына – Петю.

Жизнь в гарнизоне Аля помнила плохо. Из воспоминаний – маленькая квартирка на первом этаже (тогда им уже дали квартиру), сугроб под окном, закрывавший окно почти наполовину. Их с Петькой комнатка – окнами на юг. Светлая кухонька, которую каждую весну белили побелкой. Пирожки с картошкой в эмалированной миске, прикрытой белоснежным вафельным полотенцем. Мама уже работала в школе, и Аля сидела с вечно сопливым Петькой – детский сад Петьке был заказан, как говорила со вздохом мама. Лыжи зимой, в воскресенье. Папа впереди, следом Аля, а сзади плетутся Петька и мама.

Аля оборачивается, машет им рукой в красной рукавичке, связанной тетей Раей, и громко кричит:

– Слабаки! Догоняйте!

И бежит догонять отца...

А летом наступала самая распрекрасная пора – начинались грибы и ягоды. Женщины надевали сапоги и плащ-палатки, завязывали платки по глаза, брали старших детей, корзинки с провизией и уходили далеко в лес до самого вечера.

Ходили по малину, клюкву, чернику и бруснику. Сиделись на прогретом пригорке, доставали из заплечных рюкзачков картошку, сало и хлеб и отдыхали, прислонившись спиной к деревьям.

Грибы брали на солку и «жаруху», а белые сушили над плитой или на печи.

Бруснику мочили в ведрах, чернику и малину варили, а клюкву старались заморозить – чтоб не терялась «вся польза». Тайком от начальства повариха Любочка укладывала завернутую в газету клюкву в огромный столовский холодильник. А зимой, в морозы, женщины разбирали свои котомки и вывешивали за окно.

Еще собирали ягоды черемухи – это уже в городке. Сушили ее и мололи муку. Получались темные, чуть горьковатые и очень вкусные пироги. Аля помнила их вкус много лет.

По субботам в клубе крутили кино – утром детское, вечером взрослое. На взрослое детей не пускали. Собирались на праздники – большой и шумной компанией. Женщины пекли пироги, жарили медвежатину или лосятину, которую тайком покупали у местных охотников.

Ездили в Питер к родне. Родители всегда спорили, куда ехать в отпуск – отец хотел на море, необходимое для детей, а мама рвалась в Ленинград. Побеждала, как правило, мама.

Аля помнила, как зацеловывала ее родня, как покупались невиданные продукты – пахучий сыр, румяная розовая колбаса, на которую дети жадно набрасывались, за что получали от мамы. Папа смеялся, а дедушки и бабушки горестно качали головами и тайком утирали набежавшую слезу. Еще был шоколадный торт немыслимого размера с зайцем на макушке, из-за которого они поссорились с Петькой. Торт приносил дед Борис. Театры, где замирала Алина детская душа и отчаянно билось сердце. Какими прекрасными были Золушка, Белоснежка и Царевна-Лебедь! И музеи-дворцы с невиданной, сказочной роскошью – папа объяснял, что раньше в них жили цари, а теперь ходят обычные люди и любуются на всю эту красоту. Мама, правда, почему-то вздыхала и слегка качала головой, глядя на отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/mariya-metlickaya/zhenskiy-den-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)